

МИНОБРНАУКИ РФ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОЛЛЕДЖ
ИМЕНИ З.Н. БАТЫРМУРЗАЕВА
ФГБОУ ВО ДГУ ФИЛИАЛ В Г. ХАСАВЮРТЕ

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИИ
МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

Редакционная коллегия:

1. Сулейманов М.С.- канд. экон. наук,
2. Касумов Р.М. – док. ист. наук, профессор.
3. Мусаев К.М.- канд. пед. наук, доцент.
4. Магомедов М.Б. - док. ист. наук, профессор.
5. Разаков Р.М. - канд. ист. наук, доцент. – ответственный редактор
6. Шахбанов А.М. - канд. ист. наук, доцент.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>КАСУМОВ Р.М. ГАРУМОВ Н.М. РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1768–1774 ГГ. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ДАГЕСТАН: ВНУТРЕННИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ</i>	5
<i>РАЗАКОВ Р. Ч-М., СУЛЕЙМАНОВ М.С., МУСАЕВ К.М. НАРОДЫ ДАГЕСТАНА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ЯЗЫК, РАССЕЛЕНИЕ</i>	16
<i>АРТАМОНОВА Я.В. ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЮГА РОССИИ</i>	30
<i>АСКЕРОВ А.Г. ИНТЕРНЕТ БЕЗОПАСНОСТЬ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ</i>	35
<i>ВЕРЕЩАГИНА А.В. РОЛЬ ПАТРИОТИЗМА В ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ЮГЕ РОССИИ</i>	40
<i>ВОРОБЬЕВ А.А. ДАГЕСТАН И КАСПИЙСКИЙ (ПЕРСИДСКИЙ) ПОХОД ПЕТРА I</i>	44
<i>ГАРУНОВА Н.Н., МИРЗОЕВА К.А. ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НИЖНЕТЕРСКОГО КАЗАЧЕСТВА</i>	49
<i>ИГНАТОВИЧ А.Е., ХИРКОВСКИЙ В.В. СЕМИОТИКА ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ ПЛАКАТОВ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЙНОЙ КОЛЛЕКЦИИ)</i>	56
<i>КАСУМОВ Р.М., ГАРУМОВ Н.М. СИТУАЦИЯ В РЕГИОНЕ В СЕРЕДИНЕ XVIII В. И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ ДАГЕСТАНСКИХ ВЛАДЕТЕЛЕЙ</i>	62
<i>МАГОМЕДОВ М.Б. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНДАМЕНТАЛИСТИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ НАКШБАНДИЙСКОГО ТАРИКАТА НА ТЕРРИТОРИИ ИМАМАТА</i>	87
<i>МАГОМЕДОВ М.Б. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ БОРЬБЫ ГОРЦЕВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА 20-50 ГОДОВ XIX ВЕКА</i>	97
<i>РАШИТХАНОВА С.Т. ГЮЛИСТАНСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 1813Г</i>	112
<i>РАЗАКОВ Р.М., АБДУРАЗАКОВ З.А., РАЗАКОВ Ш.Р. ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ПОХОДЫ АРАБОВ В ДАГЕСТАН</i>	122
<i>СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ</i>	130

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ
КАСУМОВ Р.М. ГАРУМОВ Н.М. РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА
1768–1774 ГГ. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ДАГЕСТАН: ВНУТРЕННИЕ И
МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ

25 сентября (6 октября) 1768 г. Турция объявила войну России. Ответную войну Россия объявила Турции в начале ноября. По словам Маркса, начать эту войну против России Порту побудила Франция ¹. Сказанное Марксом подтверждается и другими материалами. Так, В.Д. Смирнов, характеризуя ситуацию накануне войны, писал: «... французская дипломатия, стремясь сохранить господствующее положение в Стамбульской политике, сильно интриговала против России... Внушения и подстрекательства французских дипломатов и втянули неосторожных турецких политиканов в ту воинственную игру, которую они затеяли с Россией, и которая обошлась им так дорого» ².

В предстоящей войне обе стороны предполагали использовать территорию и людские ресурсы Северного Кавказа, особенно Дагестана. По планам османского генштаба, 400-тысячная турецкая армия должна была перейти Днепр у Хотина, захватить Каменец и Варшаву, а затем двинуться на Киев и Смоленск. С юга для поддержки этой операции намечалось наступление крымского хана со 100-тысячной конницей. В районе Азова и Таганрога предполагалось высадить крупный десант, присоединить к нему до

¹ *Маркс К.* набросок речи об отношении Франции к Польше // Архив Маркса и Энгельса. – Т. 14. – С. 355.

² *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты... С. 83.

50 тысяч горцев Северного Кавказа и наступать в сторону Астрахани ³.

Стратегические планы российского командования предусматривали операции двух армий на европейском фронте: 1-я – наступательная (80 000) под командованием М.А. Голицына должна была занять ранее противника Каменец и Хотин, прикрыть Литву и Киев; 2-я – оборонительная (40 000) под командованием П.А. Румянцева не допустить противника в пределы Новороссийской губернии. Согласно этим планам, главные силы выделялись на Балканское направление. Кавказ считался второстепенным театром военных действий, имеющим вспомогательное значение.

Тем не менее, следует подчеркнуть, что кавказский аспект российской стратегии занимал немалое место с главными опорами на Дагестан и Закавказье. Для действий на Северном Кавказе, особенно в Дагестане и Чечне, предусматривалось выделение частей генерал-лейтенанта Берга от Дона на юг и генерал-майора И.Ф. де Медема от Терека на запад. Специальному отряду донских казаков ставилась задача занять Таганрог и Азов и двинуться на Крым. Кроме того, в районе Кизляра под командованием де Медема должен был действовать 40-тысячный корпус, чтобы «поднимать против турок кавказские племена и поддерживать возстающих» ⁴.

В случае вторжения турецких войск в Грузию предполагалось перебросить через Дарьяльское ущелье отряд генерала Г.Г. Тотлебена. Манифест, подписанный Екатериной II в начале войны, гласил: «Все, кто поднимется против турок, обнадеживаются заступничеством и наградою» ⁵.

³ Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II (1762–1774). – СПб., 1896. – С. 6; Клокман Ю.Р. Русско-турецкая война 1768–1774 гг. // Страницы боевого прошлого: Очерки военной истории России. – М., 1968. – С. 134.

⁴ Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 322; Советская историческая энциклопедия. – М., 1969. Т. 12. – С. 375–376.

⁵ Цит. по: Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 324; Сотавов Н.А. Северный Кавказ... С. 157.

Военные действия начались в декабре 1769 г. на трех фронтах: в Подолии, на Дону и на Кавказе. Блестящие победы русских войск под командованием П.А. Румянцева и А.В. Суворова предрешили исход войны на европейском фронте. Переброшенная из Балтики в Средиземное море эскадра Г.А. Спиридова разгромила турецкий флот при Чесме 5 июля 1770 г., где противник потерял в пламени сражения 24 корабля ⁶. Не помогло туркам и то, что большую помощь в роли военного советника от Франции оказывал им барон Тотт ⁷. Два дня спустя Алексей Орлов уничтожил 50 из 60 оставшихся турецких кораблей ⁸.

Тем временем корпус Тотлебена прошел через Дарьяльское ущелье и изгнал турок из Имеретии. На стороне России выступили имеретинский царь Соломон и царь Картли-Кахетии Ираклий II ⁹. Война была проиграна Турцией, но она продолжала упорствовать, надеясь на перелом в крымско-северокавказском направлении.

Значение Северного Кавказа, как важнейшего геополитического объекта в противоборстве между Россией и Турцией, еще более возросло. Прибывшие еще за неделю до начала войны к переселившимся в верховья Кумы кабардинским князьям эмиссары из Крыма продолжали активно переманивать их на свою сторону, предлагая как «однозаконцы» (по вере – *Р. К.*)... обще с ними (крымцами. – *Р. К.*) чинить нападение на Моздок» ¹⁰. Но кабардинские князья категорически отвергли это предложение, как подданные России.

Но посланники Крыма не унимались. Во время переговоров с

⁶ Коллас. История Турции. – Киев–Москва, 2003. – С. 41.

⁷ Татарчевский А. Путешествие и деятельность барона Тотта в Крыму в 1767 г. – Киев, 1883. – С. 1.

⁸ Tachsin Unal. Turk siyasi tarihi. 1700-den 1958-e kadar. – Ankara, 1958. – S. 41.

⁹ АВПРИ. Ф. 110: Сношения России с Грузией. Оп. 110/2, 1762–1774. Д. 7. Л. 82 об. 93.

¹⁰ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 827. Л. 22.

кабардинскими князьями они предъявили личное обращение султана Мустафы III, в котором предлагалось, чтобы они были послушны крымскому хану, объединились с кубанцами, ногайцами и черкесами «против разрушителей вечного трактата» – московских кяфиров¹¹. Однако и это обращение не возымело действия.

Примерно такую же позицию заняли Фатали-хан Кубинский и дагестанские владетели. Об этом свидетельствует рапорт поверенного в делах России в Грузии князя А.Р. Моуравова от 7 октября 1769 г. генералу Тотлебену о том, что «от турок разосланы... недавно чиновничьи люди к Куба-хану, который Дербентом владеет, и лезгинцам, чтоб они вооружались против России в пользу Порты, и имеют ли в том успех, того еще не видно»¹². Никакого успеха Порты тогда не добились, ибо в 1768–1769 гг. с просьбой о принятии подданства России обратились шамхал тарковский Муртузали, кубинско-дербентский Фатали-хан, казанищенский, эндириевский, костековский и другие владетели¹³.

Однако неудачи, постигшие османо-крымскую верхушку, не ослабили их пыл даже тогда, когда русские войска, наступавшие на Дону, овладели Азовом и Таганрогом. В конце 1768 г. в Кабарду прибыл адъютант крымского хана Керим-Гирея Мамед-ага с письмами от султана Мустафы III, призывающими перейти на сторону Крыма и под покровительство Порты. От себя лично хан извещал, что вскоре выступит в поход на Коушаны, а на Кубань отправил сераскера Кази-Гирея, чтобы он перешел русскую границу и напал на казачьи станицы на Тереке. Несмотря на то, что кабардинцы никакого ответа не дали, адъютант хана отправил с такими же письмами специального курьера в Малую Кабарду, Чечню, Брагуны, Аксай и Эндирей с прежними предложениями. Но

¹¹ *Смирнов Н.А.* политика России на Кавказе... С. 93.

¹² Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в... С. 132–133.

¹³ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988. – С. 440.

опять безуспешно ¹⁴.

Русское правительство прилагало не меньше усилий для использования Северного Кавказа в своих интересах, чем турецко-крымская сторона. Однако указы Коллегии иностранных дел, направленные кизлярскому коменданту Н.А. Потапову по этому вопросу, остались невыполненными, что подвигло османов и крымчан на активные действия в этом направлении.

Весной 1769 г. крымские татары начали в этой зоне Кавказского фронта военные действия во главе с ханом Керим-Гиреем, взявшим своим военным советником французского консула в Крыму барона Тотта, верно служившего османской короне. «В этой должности он находился до смерти хана Керим-Гирея, – пишет о нем биограф хана Татарчевский, – а затем опять отправился в Турцию. Находясь при султানে Мустафе III, он оказал туркам громадные услуги, производя реформы в их артиллерии. Тотт защищал даже Дарданеллы против флота графа Орлова, указав средства для прикрытия турецких границ со стороны Очакова и Крыма» ¹⁵.

Выступившая в поход конница Керим-Гирея, продвигаясь ускоренным маршем, двинулась на Украину в направлении Бахмута и Елизаветграда. В феврале 1769 г. для защиты кизлярского края на Терек прибыл отряд генерала де Медема, развернувшего ставку в станице Щадринской. Соорудив редут вокруг нее, он принял меры для создания более прочной базы в Моздоке ¹⁶.

Но положение на Тереке оставалось сложным. Жесткое обращение Потапова с колеблющимися между Россией и Турцией владетелями вызвало их недовольство, толкая снова на сторону Стамбула и Бахчисарая. Обеспокоенная этим, Коллегия иностранных дел срочно направила Потапову

¹⁴ Смирнов Н.А. Политика России... С. 94.

¹⁵ Татарчевский А. Путешествия и деятельность барона Тотта... С. 1.

¹⁶ Потто В.А., Токеев В.И., Рушкевич М.А., Вейденбаум Е.Г. Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899. С.52.

указ с таким предписанием: «При настоящих обстоятельствах весьма можно будет и тем удовольствоваться, когда они (князья и старшины. – *Р. К.*) не останутся явными противниками (России. – *Р. К.*) ... но воспрепятствуют подбегам неприятельским к Кизляру и на Астраханскую дорогу» ¹⁷.

Выполняя указания центра, Потапов и де Медем обратились к кабардинским князьям с новыми воззваниями, в которых фактически признавались допущенные ошибки и содержались призывы перейти в российское подданство с твердой гарантией обеспечить им «Ея Императорского Величества милость» ¹⁸. По-видимому, эти воззвания возымели свое действие, большинство «мятущихся» князей, в том числе баксанской «партии», вернулись в подданство России и переселились на Баксан ¹⁹.

Но разрядить обстановку до конца не удалось. Часть баксанских князей во главе с Бамматом Мисостовым откочевала в верховья Кумы, откуда они обратились за помощью в Крым, где давно ожидали такого шага с их стороны. Для поддержки баксанских «друзей» из Крыма был прислан специальный отряд под командованием сына кубанского сераскера Кази-Гирей Султана. Для изгнания кубанцев и «увещевания» строптивых князей генерал Медем организовал Закубанский поход, в котором участвовали горцы Дагестана, Чечни и Ингушетии под командованием Хамзы Алишева, Арслан-бека Айдемирова и Куденета Бамматова.

Выступившая на помощь крымцам 6-тысячная конница хана Керим-Гирея была разгромлена калмыками в июне 1769 г. на берегу Калауса. Слив свои силы с 20-тысячной конницей калмыцкого хана Убаши, Медем занял

¹⁷ Кабардино-русские отношения... Т. 2. С. 289.

¹⁸ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Ед. хр. 722. Л. 34, 38 об., 42–46 об.

¹⁹ Кабардино-русские отношения... Т. 2. С. 288.

удобные позиции у Бештавских гор, после чего значительная часть из 200 баксанских князей дала присягу на верность России, а воздержавшиеся от этого были ликвидированы в сражении у реки Подкумки. В августе того же года все баксанские князья признали верховенство России и вернулись на реку Баксан ²⁰.

Примечательным явлением в ходе войны в пользу России стал происшедший перелом в настроении горских масс в ее сторону. Конкретным проявлением этого факта стало то, что прибывшие в Кизляр в январе–феврале 1770 г. специальные посольства из Ингушетии и Восточной Осетии во главе с 24 старшинами каждое официально подписали присяги о принятии российского подданства. В знак подтверждения этой акции Н.А. Потапов выдал каждому из посольств «Открытый лист», содержащий предписание представителям российской администрации оказывать им особое покровительство «под опасением в противном случае наихудшего по воинским регулам штрафа» ²¹.

Значение этого акта усиливалось и тем, что с начала русско-турецкой войны стратегическое значение Осетии и Чечено-Ингушетии значительно возросло. Обеспечивая связь с Грузией через Главный Кавказский хребет, они могли оказывать определенное влияние на ход военных действий в Закавказье. Так оно и случилось в Аспинской битве 20 апреля 1771 г., в которой на стороне грузин под командованием царей Ираклия и Соломона, нанесших крупное поражение османам, участвовало около 2000 осетин и ингушей ²².

В такой ситуации попытки Порты привлечь на свою сторону «народные сердца» путем «командировки» в Кабарду Салахшора (главного инспектора

²⁰ Потто В.А. и др. Исторический очерк... С. 60–62.

²¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Ед. хр. 791. Л. 12 об.

²² История Осетии в документах и материалах с древнейших времен до конца XVIII в. – Цхинвали, 1962. Т. 1. – С. 9–10.

вооруженных сил Османской империи. – *Р. К.) Сулеймана-Аги* вновь провалились ²³. В решающей степени на это повлияло то, что исход русско-турецкой войны к тому времени в пользу России был предрешен. В июне 1771 г. армия В.М. Долгорукова овладела Перекопом, вступила в Евпаторию и заняла Кафу (Феодосия). Одновременно войска генерала Щербатова заняли Арабат, Керчь, Еникале в Крыму и Темрюк на Тамани. Азовская флотилия адмирала Синявина получила возможность выйти в Черное море. Угроза порабощения османами и крымцами народов Северного Кавказа была предотвращена ²⁴. Параллельно с кавказским вопросом в годы войны российское правительство активно решало крымский вопрос как часть черноморской проблемы, касающейся непосредственно народов Северного Кавказа. Основные идеи решения этой проблемы были изложены в докладе вице канцлера М.И. Воронцова Екатерине II еще до начала войны – 6 июня 1766 г. Конкретизируемое по ходу развития событий решение крымского вопроса обрело два варианта:

1) отделение от Крыма Кубанской Орды и образование крупного, независимого от Турции и Крыма, но дружественного России ногайского объединения, что должно было содействовать, в случае необходимости, реализации второго варианта ²⁵;

2) отделение Крыма от Турции и присоединение его к России ²⁶.

В обоих случаях учитывалась основная идея доклада Воронцова о том, что Крым «местоположением своим столь важен, что... может почитаться

²³ АВПРИ. Ф. 123: Сношение России с Крымом. Оп. 123/8, 1767–1773. Д. 27. Л. 454.

²⁴ *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе... С. 102.

²⁵ *Феофилактова Т.М.* Кубанский вопрос в русско-турецких отношениях в 1768–1774 гг. // Вопросы истории и философии : сб. ст. – Ростов н/ Дону, 1974. – С. 71.

²⁶ *Ismail Hakki Uzunsarsili.* Osmanli tarihi. – Ankara, 1956. Cilt 4. – S. 374.

ключом российских и турецких владений»²⁷.

Успешное наступление русской армии на крымском направлении способствовало реализации второго варианта. Поражения турецких и крымских сил и потеря части Крыма вызвали недовольство крымской знати политикой Порты и нового крымского хана Селим-Гирея. Хотя незначительная часть этой знати во главе с Селим-Гиреем продолжала выступать за сохранение прежних отношений с Турцией, подавляющее большинство этой знати во главе с Шахин-Гиреем потребовала отделения от Турции и провозглашения независимости Крыма от Турции с ориентацией на Россию.

Учитывая сложившуюся ситуацию, Екатерина II предписала находившемуся в Крыму генерал-поручику Е.И. Щербинину установить тесный контакт с группой Шахин-Гирея, подчеркивая необходимость их «приласкать и дать им возчувствовать разность настоящего их состояния пред прежним, и тем их утверждать в принятом ими единожды намерении никогда Порте не подчиняться, а протчих их инородцов, к ним еще не приставших, приманивать, конечно, и нужно всякими возможными случаями пользоваться»²⁸.

Политика «ласкания» влиятельных крымских, кубанских и ногайских мурз способствовала усилению российского влияния, особенно после того, как армия В.И. Долгорукова в конце июня 1771 г. вторично разгромила 100-тысячную крымскую армию и двинулась на Бахчисарай, откуда хан Селим-Гирей бежал в Стамбул. Борьба между враждующими «партиями» в Крыму достигла апогея. При негласной поддержке России сторонники Шахин-Гирея запретили Селим-Гирею появляться в Бахчисарае и возвели на трон брата Шахин-Гирея Сахиб-Гирея.

²⁷ Архив князя С.Р. Воронцова. – М., 1982. Кн. 26. – С. 308.

²⁸ Высочайшие рескрипты Екатерины II... С. 20.

27 июня 1771 г. сторонники Сахиб-Гирея за подписью 110 знатных мурз вручили Долгорукому «Присяжный лист» о желании пребывать в подданстве и союзе с Россией. В ответной грамоте Екатерина II заверила их о готовности согласиться «во всем на их желания», дабы показать «сколь мы склонны находимся доставить им совершенную во всем независимость»²⁹.

1 ноября 1772 г. был подписан русско-крымский Карасубазарский договор, которым Крым объявлялся независимым ханством под покровительством России. К России отходили Керчь, Кинбурн и Еникале с признанием ее сюзеренитета над Кабардой. Оставив гарнизоны в этих городах, армия Долгорукова направилась к Днепру³⁰.

Как и ожидалось, подписание российско-крымского договора в Карасу вызвало острое недовольство в Стамбуле. Султан Мустафа III не признал его, стал готовиться к реваншу, выдвинув на крымский престол Девлет Гирея III вместо Сахиб-Гирея. Как только русские войска покинули Тамань, туда были введены турецкие войска для наступления на Северный Кавказ. Выполняя этот замысел, в июне 1774 г. турецко-крымское войско под командованием Каплан-Гирея прибыло на Малку. Одновременно калга Шабаз-Гирей обошел Моздок, уничтожил казачьи поселения и атаковал станицу Наур, но был отбит. Решающие сражения между русскими и турецко-крымскими войсками произошли 3 июля и 4 августа в урочище Бештамак, а затем на реке Гунделен, где противник был разбит и бежал из Кабарды. Тем временем сокрушительное поражение турок от русских войск на Дунае под командованием А.В. Суворова заставило их просить Россию о мирных переговорах. 15 июля 1774 г. между командующим русскими войсками П.А. Румянцевым и великим визиром Мусун-задэ Мехмед-пашой был подписан в Кючук-Кайнарджи

²⁹ Там же. С. 66.

³⁰ Андреев А.Р. История Крыма. Хроника веков. – М., 2000. – С. 222–223.

(болгарская деревушка) Кючук-Кайнарджийский мирный договор, признающий условия русско-крымского договора в Карасу касательно уступленных России территорий с правом покровительства над Кабардой.

Для ясности отметим, что 21 статья Кючук-Кайнарджийского договора гласила: «Обе Кабарды, то есть Большая и Малая, по соседству с татарами, большую связь имеют с ханами крымскими; для чего принадлежность их императорскому российскому двору должна представлена быть на волю хана крымского, с советом его и с старшинами татарскими»³¹. Поскольку крымским ханом являлся Сахиб-Гирей, признавший Кабарду и себя самого под покровительством России по договору в Карасу, то приведенная цитата означала подтверждение права российского сюзеренитета над Кабардой, оказывая влияние не только на нее, но и на другие части Северного Кавказа, в том числе на Дагестан.

³¹ ПСЗРИ. СПб., Т. 19. Док. № 1464. С. 964. Полный текст договора с комментариями. См.: Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский договор... С. 349-360.

РАЗАКОВ Р. Ч-М., СУЛЕЙМАНОВ М.С., МУСАЕВ К.М.
НАРОДЫ ДАГЕСТАНА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ЯЗЫК, РАССЕЛЕНИЕ

Издrevле в Дагестане проживает большое количество народов и причем, на сравнительно маленькой территории, что позволили им не только сформировать общие культурные и исторические ценности, при сохранении индивидуальных особенностей, но и создать устойчивые традиции веротерпимости и межнационального согласия.

Согласно конституции Дагестана 14 языков народов Дагестана имеют статус государственного языка. В их число вошли аварский, даргинский, кумыкский, лезгинский, лакский, агульский, рутульский, табасаранский, татский, цахурский и чеченский языки, ногайский, русский, азербайджанский.

Коренные народы Дагестана относят кавкасионскому антропологическому типу балкано-кавказской расы.

Рассматривая проблему происхождения кавкасионского типа, академик В. П. Алексеев отметил: «Теоретические споры вокруг проблемы происхождения этого типа привели к более или менее однозначному решению вопроса о его древности: он формировался автохтонно в составе местного населения центрального предгорного Кавказского хребта не позже, чем в эпоху бронзы, а может быть, и в более раннее время».

Сложная этническая пестрота и многоязычие Дагестана издавна привлекали внимание исследователей, которые предлагали подчас фантастические гипотезы, искавшие в Дагестане конгломерат остатков древних народов, но почти все они не выдержали строгой научной критики.

Наиболее живучей оказалась гипотеза о естественно-географической причине многоязычия. Ещё арабский учёный и путешественник Масуди (X в.) о территории к северу от Ширвана писал: «*Эта гора имеет долины, ущелья и*

проходы, в которых живут племена не знающие друг друга ввиду крутизны и недоступности гор, поднимающихся к небу, обилия лесов и зарослей, потоков, низвергающихся каскадами, огромных скал и камней»... далее упоминаются лакзы, табасаранцы, хайдаки, сарирцы, дидо. Итак, причина их разобщённости и «незнания друг друга» – это горная изоляция. Это объяснение настолько самоочевидно, что выглядит аксиомой – следовательно, не требует особых доказательств.

Взгляд этот не лишён основания. Ведь, и в самом деле, в горных странах мира часто проявляются этнокультурные и языковые различия.

Однако такое общее объяснение удовлетворяло не всех. Известный этнограф Л. И. Лавров писал: «Из 44 языков Кавказа 29 приходится на Дагестан... а 15 – на всю остальную территорию Кавказа, где тоже ведь есть и крутые и недоступные горы, и потоки с водопадами, и все другие признаки горной изоляции. Так в них ли только дело?»

Так или иначе, сегодня на территории Дагестана проживают народы, которые говорят на языках относящихся к четырём основным языковым группам.

К нахско-дагестанской группе северокавказской языковой семьи относятся языки следующих народов :

Аварцы (авар. маġарулал – горец) – самый многочисленный из коренных народов современного Дагестана.

Аварцы в большинстве своем компактно проживают в горной части территории Дагестана (в бассейнах рек Аварского Койсу, Андийского Койсу и Кара-Койсу, а также в некоторых низменных районах, частности Кизлярском, Хасавюртовском, Кизилюртовском и др. районах).

Издrevле Аварцы проживают на территории современного Азербайджана (Белоканском и Закатальском районах), где их численность по переписи 1999 года составляла 50.9 тысяч человек.

Значительная по численности диаспора аварцев проживает на территории Турции, по некоторым подсчетам их количество достигло свыше 53 тыс.чел. Небольшие островки потомков аварцев зафиксированы также в Сирии и Иордании. Общая численность согласно переписи 2010 года – 912 тыс. чел.

Андо-цезские народы Дагестана. Первые свидетельства о племенах на северных склонах Главного Кавказского хребта относятся к первым векам нашей эры. Племена андо-цезов были известны античным авторам под общим названием «дидуры» (от груз. «большой», «огромный»). В арабских и грузинских средневековых источниках народы западного Дагестана, в том числе, известны также под общим названием дудания, дидо, дидоэти.

а) Андийские народы.

Андийцы (андии, самоназвание андал, гванал) – этноним по крупному аулу Анди (Ботлихский район).

Андийцы говорят верхнеандийском и нижнеандийском диалекте андийского языка. Исторически андийцы проживают на южных отрогах Андийского хребта вдоль левых притоков Андийского Койсу. Живут в селах Чанко, Анди, Кванхидатли, Гунха, Ашали, Гагатли, Зило, Муни, Ортоколо, Рушуха, Джугут и а также в селах Риквани Ботлихского района, в селе Новогагатли Хасавюртовского района и посёлке Андийский г. Хасавюрт.

Ахвахцы (самоназвание ашвадо) – традиционное место обитания северо-западная часть Дагестана: в сёлах Кудиябросо, Цвакилколо, Изано, Кванкери, Гадмагитль, Лологанитль Ахвахского района и в Шамильском районе селах Тлянуб, Цекоб, Ратлуб. Много ахвахцев-переселенцев проживает в Кизилюртовском, Хасавюртовском, Бабаюртовском и Кизлярском районах.

Около 2 тысяч ахвахцев проживает в селе Охах Закатальского района в Азербайджане.

Каратинцы – говорят на каратинском языке. Живут в Ахвахском районе в сёлах Карата, Анчих, Арчо, Верхнее Инхело, Маштада, Рациль, Рачабулда. В

Ботлихском районе в селе Нижнее Инхело. В Хасавюртовском районе в сёлах Сивух, Кирпич-кутан.

Тиндинцы (тиндалы, идери, идарии, идарал). Хотя обычно считается, что в этом языке нет диалектов, некоторые лингвисты всё же выделяют два диалекта: собственно тиндинский и ангидинско-акнадский. Преимущественно проживают на территории Цумадинского района, в сёлах Тинди, Эчеда, Ангида, Тисси, и др., а также на территории Кизилюртовского района в сёлах Акнада и Ангида.

Багулалы (багвалалы, багвалин(ы) (богатыри). Живут в Западном Дагестане в сёлах Цумадинского района Хуштада, Чало, Талитель, Тленхори, Тлондода, Кванода, Гимерсо, в сёлах Ахвахского района Тлибишо, Тлисси и частично в сёлах Хасавюртовского района Кокрек и Муцалаул.

Чамалалы или чамалинцы (от слова члама – сушеный абрикос). Чамалинцы говорят на двух диалектах: гакваринском и гигатлинском исходящих из названия населенных пунктов. Компактно чамалинцы проживают в Цумадинском районе в сёлах Гигатли, Нижнее Гавкари Агвали, Цумада, Гадири, в селе Кенхи Чеченской Республики, а также на прикаспийской низменности в сёлах Цветковка и Ясная Поляна Кизлярского района,.

Годоберинцы (годоб. гьибдиди)- население Западного Дагестана, проживают в сёлах Верхний и Нижний Годобери, Зибирхали и Беледи Ботлихского района и в селении Теречное Хасавюртовского района.

Ботлихцы (буйхади) – население Западного Дагестана. Большинство проживает в сёлах Ботлих, Миарсо, Анхо и Ашино Ботлихского района и в селении Батлахатли Цумадинского района.

б) Цезские народы

Дидойцы (дидои, дидо) или цезы (самоназвание цунтIал (цунтинцы) – орлы) – проживают в Цунтинском районе. В сочинениях античных авторов Плиния Старшего (I век) и Клавдия Птолемея (II век) дидойцы (дидури)

упоминаются как племя на Кавказе. Около тысячи человек проживают на территории Грузии.

Бежтинцы (капучинцы, самоназвание бежта, Хуанал (хъванал от слова хъвани – конь, лошадь, т.е. коневоды) – проживают в селах Бежта, Хашархота, Глядал и окружающих их хуторах Бежтинского участка. Часть бежтинцев проживает в Грузии, другая часть переселилась в Бабаюртовский район (селения Качалай, Караузек, 40 лет Октября, Ахайотар, Ачичунгур и Каратюбе) и Кизлярский район (селения Заречное, Рыбалка, Вперед).

Гунзибцы (гъунзаль, хунзалис, энзеби, унзо) – в основном проживают в Цунтинском районе в сёлах Гунзиб, Нахада, Гарбутль, Гъело, Родор, Тодор, Нов.Нахада, Нов.Гарбутль и частично в селении Стальское в Кизилюртовском районе. Также живут в Грузии (0,35 тыс.).

Гинухцы – проживают в селении Гинух Цунтинского района и в селе Монастырское Кизлярского района.

Хваршины (акъилько, атлилько) – проживают в селах Хварши, Хонох, Верхнее и Нижнее Инхоквари, Сантлада, Квантлада, Цумадинского района и в селах Первомайское и Октябрьское Хасавюртовского района.

Закавказские аварцы – термином «закавказские аварцы» обозначаются обитатели территории бывшего Закатальского округа Российской империи, которые числятся аварцами и говорят на аварском языке, а также те, которые, являясь потомками аварцев, хотя и лишились ныне языка предков, но сами себя продолжают считать аварцами.

В VI-VIII вв. территория Закатальского округа входила в состав государства Сарир. В конце IX – X вв. земли закавказских аварцев входят в состав княжества Кахетия, которое, в свою очередь, оказалось в XII в. включенным в состав единого Грузинского царства.

Возрождение государственности на территории Закатальского округа произошло во 2-й половине XIII в. Речь идет о крошечном по территории

мусульманском государстве, занимавшем верхнюю часть Джарского ущелья и прилегающие земли, покрытые густыми лесами.

Арчинцы (аршиштиб, авар. рочисел, лакск. арчи). Арчинцы уникальный в некотором роде народ, так как по т языку они относятся к лезгинской ветви, но по статистическим переписям причисляются к аварцам, так как, проживая рядом с аварцами, Арчинцы видят себя в культурном отношении очень близкими к аварцам.

Живут в бассейне реки Хатар, в селах Арчиб, Алчинуб, Кубатль, Хилих, Кесериб, Хитаб, Калиб Чародинского района.

Даргинцы – второй по численности дагестанский этнос. В народном представлении самоназвание даргинцев связано с словом «дарк» – нутро, внутренность. Даргинцы понятие «Дарго» понимают как «родину даргинцев», а «дарган» как самоназвание как даргинского народа. По этому поводу П. К. Услар замечает, что слово «Дарго» (Даргва) не есть лингвистическое понятие (т. е. не относится к языку). Это общее название для нескольких бывших округов, которое, «быть может, происходит от «дарг» – внутренность, в противоположность внешнему: «либилла Даргва» – «все Дарго».

Значительная часть даргинцев традиционно проживают на территории Внутреннего Дагестана. На территории Акушинского, Дахадаевского, Кайтагского, Левашинского и Сергокалинского района даргинцы составляют от 75 до 100 % населения. Значительная доля даргинцев составляет в Карабудахкентском и Каякентском районе.

Даргинцы проживают также и в Турции и в Сирии.

Как и другие языки народов Дагестана даргинский язык имеет множество диалектов: акушинский, кайтагский, цудахарский, кубачинский, урахинский, чирагский и т.д.

Общая численность согласно переписи 2010 года – 589 тыс.

Кайтагцы (кайтаги, хайдакцы; самоназвание – хайдакбан, хайдакбанти) – этническая группа даргинцев, иногда рассматриваются как самостоятельный народ.

Живут в основном в предгорьях на юге и в центре Кайтагского района Дагестана, часть на равнине и в городах. Численность свыше 20 тыс. чел.

Кубачинцы (самоназв – арбукан) – особый субэтнос даргинцев. В истории кубачинцы (турец. «кольчужники») известны с XI в, как зирихгераны с VI века (перс. «панциродельцы»). На чамалинском языке слово «куба» переводится, как металл или железо, «чи» – человек.

Живут на территории Дахадаевского района в селах Кубачи, Сулевкент и др. (численность более 7 тыс., чел., оценка).

Лезгины (самоназвание: лезги) – входят в число коренных народов, которые традиционно проживают в южной части Дагестана и на северо-востоке Республики Азербайджан.

Значительная часть лезгины проживают на территории Ахтынского, Дербентского, Докузпаринского, Курахского, Магарамкентского, Сулейман-Стальского, Хивского районах, и на низменности на территории Хасавюртовского района. Издревле лезгины проживают на территории Хачмасского, Кусарского, Кубинского, Кабалинского, Огузского, Исмаиллинского, Шекинского и Кахского района Азербайджана. Согласно различных экспертных оценок численность лезгин в Азербайджане составляет (250 тыс. чел.).

Лезгин разделяют на три основных наречия: кюринское, самурское и кубинское. Выделяют так же самостоятельные говоры: курушский, гилярский, фийский и гелхенский. Общая численность лезгин согласно переписи 2010 года составляет 473 тыс.

Удины (самоназвание уди, ути) – относится к одному из древнейших народов Дагестана упоминаемых Геродотом в своем труде «История» (V в. до н. э.).

Первые упоминания об удилах дошли до нас в связи их участием в Марафонской битве (греко-персидская война, 490 г. до н. э.), автор указывает также на то, что солдаты утиев воевали в составе персидской армии.

Удинский язык относится к лезгинской подгруппе языков Дагестана и делится на диалекты: ниджский и огузский (варташенский).

Удинский язык как многие языки народов Дагестана используется только в быту. Официальным языком для удин, является язык той страны, в которой они проживают.

В настоящее время единственным местом компактного проживания являются сёла Нидж и Огуз (Варташен) в Азербайджане и село Зинобиани (переселенцы из Варташена в 1922 году) в Грузии.

Сегодня удины, проживающие на канонической территории Армянской церкви (в Армении и Нагорном Карабахе), являются верующими ААЦ. Удины Азербайджана, где по политическим причинам невозможна деятельность Армянской церкви, перешли под начало Русской православной церкви, имеющей в Азербайджане свою епархию.

Общая численность – около 10 000 человек.

Лакцы (лаки), самоназвание лаккучу. Согласно сведениям грузинских авторов лакцов именовали (леки), а греко-латинские авторы - леги и гелы.

Лакский язык имеет диалекты: кумухский, вицхинский, шаднинский, вихлинский, аракульский, бартхинский (балхарский), вачи-кулинский.

Лакцы исторически проживают традиционно проживают на территории центральной части Горного Дагестана в Лакском и Кулинском районах, а также в селах Балхар, Уллучара, Цуликана, Аракул, Шадни, Шалиб, Советское, Верхний Катрух и в Новолакском районе. Общая численность согласно переписи 2010 года – 178 тыс.

Табасараны или табасаранцы (самоназвание – табасаран).

Табасаранский язык относится к одному из самых сложных языков в мире и занесён в книгу рекордов Гиннеса, по сложности стоит после языков североамериканских индейцев.

В современном табасаранском языке существует три диалекта: нитрихский, сувакский, галинский (этегский), каждый из которых объединяет группу говоров. Исторически проживают в Табасаранском, Хивском, Дербентском районах и в г.Дербенте. Общая численность согласно переписи 2010 года – 146 тыс.

Чеченцы (самоназвание – нóхчо) – вайнахский народ, основное население Чечни. В Армянской географии VII в. чеченцы упоминаются как племя нахчаматьянов. Говорят на одном из нахских языков.

Территория расселения ченцев в Дагестане (Хасавюртовский, Новолаксий, Казбековский, Бабаюртовский и Кизилюртовский районы).

Проблема происхождения и наиболее раннего этапа истории чеченцев остаётся окончательно не выясненной и дискуссионной. Не исключено массовое передвижение протовайнахских племён из Закавказья на север Кавказа, но время, причины и обстоятельства этой миграции, признаваемой рядом учёных, остаются на уровне предположений и гипотез.

Общая численность согласно переписи 2010 года – 1431 тыс.

Аккинцы (ауховцы, самоназвание – (аьккхий) – этническая группа чеченцев. Говорят на аккинском диалекте Чеченского языка.

Относительно происхождения аккинцев известный историк и этнограф Умалат Лаудаев пишет: «Ауховцы получили название - аьккхий от того, что, проживая ранее в Аргунском округе, составляли тейп из аккинской фамилии. Скучные земли, принадлежащие этому тейпу, заставили половину этой фамилии переселиться в Аух. Сами же они для себя, как и для чеченцев, удержали название первобытной фамилии Аккий, то есть выходцев из Акки.»

Первые письменные источники свидетельствуют об аккинцах, (ауховцах) – обитателях Терско-Сулакского междуречья – с начала нашей эры. Так, известный

древнеримский историк и государственный деятель Плиний Старший в книге «Естественной истории» в числе других северокавказских племен называет и «аккисов», твердо сопоставляемых исследователями с современными аккинцами.

Проживают в Новолакском, Хасавюртовском, Бабаюртовском и Казбековском районах республики. Согласно материалам переписи 2009 года, в Дагестане зафиксировано 115 тысяч чеченцев.

Рутульцы (самоназвание – мыхIабыр). Этноним «рутулы» связан с наименованием наиболее многочисленного селения – Рутул, самоназвание мыхIад, а язык рутулов – махIабишды чIел. До сих пор остаётся невыясненным вопрос происхождения самого термина «рутул», которое на языке рутулов называется мыхIад.

Упоминание о рутулах встречается в поэме Клавдия Рутилия Намациана «О возвращении своем из Рима в Галлию», где можно прочесть такие слова: «...И, как Вергилий поэт, правнук Рутульских царей». Сам Рутилий являлся сыном рутульского царя Волуза.

Рутульский язык имеет диалекты: рутульский, лучекский, шиназско-мюхрекский, ихрекский, борчинско-хновский.

Проживают в Рутульском, Денрбентском, Бабаюртовском и Кизлярском районах, а также северо-восточном Азербайджане (Шекинский район) 24,3 тыс. (0,9 %, 2002 г.) Общая численность согласно переписи 2010 года – 35 тыс.

Агулы (агульцы, самоназвание агъулар). Различают диалекты: тпигский (собственно агульский), керенский (ричинский), кошанский (кушанский), буркиханский (гекхюнский) и фитинский (представлен в одном ауле). Проживают в Агульском, Курахском и Дербентском районах. Общая численность согласно переписи 2010 года – 34 тыс.

Цахуры (самоназвание – йыхъбы, цIаIхбы) – коренной народ Дагестана, проживающий на юге Дагестана и северо-западе Азербайджана. Название народа происходит от селения Цахур в Дагестане.

Язык делится на 3 диалекта: цахурско-сувагильский, гельмецко-курдульский и сапучинский (сабунджинский).

Проживают в Рутульском районе Дагестана, в Закатальском (Загаталском) и Кахском (Гахском) районах Азербайджана.

Общая численность согласно переписи 2010 года – 12 тыс.

Шахдагские народы – относятся к лезгинской группе нахско-дагестанской языковой семьи. В нее входят 5 народа: хыналыгцы, будухи, джекцы, гапутлинцы и крызы – жители горных селений Будуг, Крыз и Хыналыг в Азербайджане.

На языках относящихся к тюркской группе алтайской языковой семьи в Дагестане говорят:

Кумыки (самоназвание: Къумукълар) один из народов Дагестана. Кумыкский язык, принадлежит к кыпчакской группе тюркских языков.

Среди диалектов кумыкского языка выделяются кайтагский, буйнакский и хасавюртовский, причём два последних легли в основу литературного кумыкского языка.

По проблеме происхождения кумыков среди ученых нет единства: одни считают, что Прикаспийскую низменность издревле населяли тюркские племена, такие как кангары, камы, кимаки, кумуки, агачеры. Вероятно, среди них были и предки кумыков.

По мнению других, кумыки стали тюрками не сразу. Со второй половины II века, особенно с конца IV века н.э., тюркоязычные племена, начали проникать в пределы степного и частично предгорных районов. Естественно, местные племена имели политические и экономические связи с тюркоязычными пришельцами. Эти контакты, в конце концов, привели к тому, что межплеменным языком стал тюркский.

Во II-IV вв. н.э. происходит этническая концентрация предков кумыков – различных тюркских племен на землях севернее Дербента, и их взаимодействие с ираноязычным и кавказоязычным населением.

Этот период, пользуясь терминологией Л.Н.Гумилева, можно назвать инкубационным периодом, в течение которого происходило формирование протокумыкского этноса как новой этносоциальной системы.

Традиционно кумыки проживают на прикаспийской низменности и предгорных районах Дагестана. Компактно проживают также в Северной Осетии (Моздокский район – сс. Кизляр и Предгорное) и Чечне – сс. Виноградное (Бамматюрт) и Брагуны (Борагъанюрт). Общая численность согласно переписи 2010 года – 505 тыс.

Азербайджанцы (азерб. *azərbaycanlılar*) – тюркоязычный народ.

Азербайджанский язык, относится к огузской ветви тюркских языков при этом в нем наблюдается значительное влияние арабского и персидского языков.

Известный дагестанский учёный С.Ш. Гаджиева пишет, что «азербайджанцы, как народ, сложились в результате длительного исторического развития, постепенной консолидации местных древних племён (албанцев, удинов, каспиев, талышей и др.) с пришлыми в разные периоды тюрко-язычными племенами – гуннами, огузами, кыпчаками и т.д.»

Азербайджанцы помимо Азербайджана составляют значительную часть населения северо-западного Ирана. Компактно азербайджанцы проживают и на территории Дагестана, Грузии и Турции. Общая численность в Дагестане согласно переписи 2010 года – 130 тыс.

Ногайцы (самоназвание ногъай) – тюркоязычный народ. Говорят на ногайском языке, который относится к кыпчакской группе (кыпчакско-ногайской подгруппе) тюркских языков.

Ногайцы потомки Ногайской Орды (Мангытский юрт) – кочевого государства, образовавшегося в результате распада Золотой Орды под ударами армии Тамерлана (1391). Её основная территория находилась в степях между Волгой и Уралом (Яиком), а политический центр – в районе Сарайчика (на реке Урал). После распада Ногайской Орды часть ногайцев перекочевала в Османскую

империю, часть вошла в состав Российского царства, часть откочевала в Казахское ханство.

В настоящее время ногайцы проживают в основном на Северном Кавказе – в Дагестане (Ногайский, Тарумовский, Кизлярский и Бабаюртовский районы, а также посёлок Сулак в составе городского округа Махачкала), Ставропольском крае (Нефтекумский район), Карачаево-Черкесии (Ногайский район) и Чечне (север Шелковского района) – а также в Астраханской области. Ногайцы проживают также в Турции и Румынии.

Общая численность согласно переписи 2010 года – 103 тыс.

На языках славянской группы индоевропейской языковой семьи в Дагестане говорят:

Русские (включая терских казаков) – восточнославянский народ.

Разговаривают на русском языке восточной подгруппы славянской группы индоевропейской языковой семьи.

Производное от «русь». Существует несколько версий происхождения этого этнонима. Согласно Г. Вернадскому, термин «русь» является заимствованным из аланского языка VIII века, где «рухс» обозначает «светлый» (например, «рухс-аланы», они же «роксоланы»).

Большинство русских проживает в России. Русские также составляют значительную долю населения Украины, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана, Латвии, Киргизии, Эстонии, Литвы, Молдавии, Приднестровья, Туркменистана.

В Дагестане русские проживают в Тарумовском и Кизлярском районе, а также в городах.

Общая численность в Дагестане согласно переписи 2010 года – 104 тысяч.

В Дагестане проживают также и народы говорящие на языках иранской группы: горские евреи (таты-иудаисты) и Таты .

Таты – этноним «тат» (варианты названий – кавказские персы, закавказские персы) имеет тюркское происхождение.

В качестве самоназвания термин «тат», «тати» используется большинством татского населения Южного Дагестана и Азербайджана .

Говорят на татский язык наряду с фарси, относится к юго-западной группе иранских языков.

Появление персов в Закавказье связывают с экспансией Ахеменидов (558-330 г. до н. э.).

Численность всего: 20 тыс. чел. В России проживает 1500 (2010), из них в Дагестане 430 чел, в Азербайджане -10 922.

Верующие – мусульмане-шииты, незначительное количество суннитов.

Горские евреи (таты-иудаисты (самоназвание – жугьур [джуһур])- субэтническая группа евреев Восточного Кавказа.

Говорят на диалектах татского языка иранской ветви индоевропейской семьи (в совокупности называемых также еврейско-иранским языком).

О происхождении татов-иудаистов сложилась версия, согласно которой следует несколько выводов:

- 1) предки татов-иудаистов имеют израильянское происхождение;
- 2) первоначально татский язык не являлся их родным языком;
- 3) они были переселены на Кавказ из Ирана, как гонимые иноверцы и пришли в Дагестан иудеями;

В середине XIX века горские евреи поселяются за пределами первоначальной этнической территории: Буйнакске, Махачкале, Андрей-ауле и Хасавюрте.

В России проживает более 20 тыс. чел. (2006, оценка), в том числе в Москве – 10 тыс. чел., в районе Кавказских Минеральных Вод (Пятигорск) – 7 тыс. чел., в Дагестане – ок. 10 тыс. чел.

Секция №1

АРТАМОНОВА Я.В. ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЮГА РОССИИ

Российская Федерация является многонациональным государством, объединенным на основе единого историко-культурного кода, основными характеристиками которого является стремление к социальной справедливости и правде, уважение этнокультурных традиций народов, населяющих территорию Российской Федерации и способность интеграции лучших достижений данных народов в единую российскую культуру [1].

Именно молодежь, на наш взгляд, выступает как один из проводников этнокультурных традиций и достижений народа в единую культуру российского общества. В зависимости от того, каким образом молодое население России будет интерпретировать культурный код своей страны, ее традиции, ценностные ориентации, будет происходить развитие российского общества в целом.

Поскольку одной из основных задач Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации является именно упрочнение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации, особое внимание стоит обратить на те регионы страны, которые отличаются своей полиэтничностью. Юг России попадает под данную категорию, так как данная территория привлекательна для исследователей сложным этническим составом и геополитическим положением.

Исходя из того, что современное российское общество отличается быстрыми темпами глобализации и факторов риска, особенно актуально проанализировать традиционное и инновационное в установках сознания молодежи в поликультурном пространстве Юга России.

Огромный пласт социологических исследований направлен на рассмотрение воспроизводственных, инновационных и трансляционных функций молодежи как субъекта общественного воспроизводства [2, с. 38-41]. Отечественными учеными активно освещаются вопросы, связанные с отношением молодежи к семье и семейным ценностям [3, с. 174-178; 4, с. 103-108]. Также ряд исследований посвящен анализу социокультурных ориентаций, ценностных ориентаций, миграционных установок студенческой молодежи западных и восточных приграничных регионов России [5, с. 82–89].

Следует обратить внимание и на то, что большое количество работ отечественных ученых посвящены осмыслению этнической традиции: рассматривается влияние идеациональной и чувственной культуры на формирование общественного сознания индивида [6]. Также ряд работ рассматривает традицию как часть этнической культуры, которая помогает обеспечивать устойчивость культуры [7]. Влияние этнокультурных традиций и ценностных ориентаций в полиэтничных условиях представлены в работах таких исследователей, как Ю.Г. Волков, Г.С. Денисова, А.В. Лубский, С.А. Ляшова, Р.Д. Хунагов, А.Ю. Шадже [8].

Проведя анализ научной литературы по данному вопросу, мы видим, что научно-исследовательские интересы ученых представлены многопланово, но не до конца раскрыты вопросы, связанные с соотношением традиций и инноваций в молодежной среде в условиях Юга России.

Современные молодые люди в процессе конструирования своей жизни стремятся использовать определенные культурные образцы, символы, идеи, на основе которых и выбирают социальные ориентации, реализуемые в их социальном поведении. Современная социальная реальность такова, что молодежь сегодня сталкивается с выбором традиционного и инновационного в своем социальном поведении. Сегодня традиции рассматриваются не только как препятствия на пути инноваций, но и как факторы, условия и средства их

внедрения и принятия современным обществом [9]. Традиция и инновация взаимодополняют друг друга, и только в этом случае можно говорить о возможности подлинного успеха общественной модернизации.

Рассматривая молодежную среду Юга России, мы обратимся к результатам прикладного социологического исследования «Межэтнические отношения и национальная политика в регионах Юга России», проведенного Южнороссийским филиалом ФНИСЦ РАН в 2018 году. В исследовании приняли участие 2256 респондентов: Республика Крым – 534 чел., Кабардино-Балкарская Республика – 150 чел., Республика Адыгея – 188 чел., Ставропольский край – 638 чел., Ростовская область – 746 чел.

Рассматривая приватную сферу семейно-брачных отношений, следует обратить особое внимание на тот факт, что примерно 1/3 респондентов от 18 до 30 лет выступают сторонниками патриархального типа семейных отношений. К эгалитарным отношениям, основанным на равноправии между супругами, склоняются 37 % опрошенных. При вступлении в брак 55% из опрошенной молодежи будут стремиться к соблюдению традиций своего народа. Молодежь в большей степени, чем старшее поколение, ориентирована на вступление в брак с представителями другой национальности – 77%.

Проводя анализ приватной сферы семейных отношений молодежи на Юге России, следует отметить, что 80,5 % респондентов прежде всего идентифицируют себя с членами своей семьи. Одной из важных областей жизни общества являются межпоколенные отношения. Подчеркнем, что большинство респондентов в возрасте от 18 до 30 лет считают важным следовать традициям, обычаям, нормам, которые определяют взаимоотношения между поколениями (для 39,65 % это «важно», 45,5 % отмечают, что это «скорее важно»).

Также следует отметить, что идентификация молодого населения с теми, кто соблюдает такие же традиции и обычаи, является выше, чем идентификация с людьми по такому критерию, как соблюдение закона. То есть при выборе норм, на

основе которых происходит регулирование жизни общества, из ответов респондентов видно, что этнические традиции не занимают лидирующих позиций и не вступают в конкуренцию с нормами права.

Касаясь правовой сферы в сознании молодежи Юга России, нужно обратить внимание на то, что право, по мнению 44 % молодых людей исследуемого региона, регулирует все стороны жизни людей, а вот 22,4% отдают предпочтение этническим традициям как регулятору повседневных социальных практик. Таким образом, можно сделать вывод, что в правовом поле молодежь Юга России чаще всего ориентируется на общегражданские правила и институциональные нормы организации социальной жизни.

Таким образом, на основе проанализированных данных мы видим, что традиции и нормы определяют ценностные ориентации и установки молодежи в условиях Юга России, но нельзя исключать и влияние модернизационных процессов.

Поскольку современное российское общество – это развивающаяся система, это может привести к нестабильности в жизни населения российского общества. Для того, чтобы успешно интегрироваться в данную систему, молодому населению необходимо конструировать собственную жизнь, опираясь на традиционные и инновационные типы социального порядка. Гармонизация традиционного и инновационного в социальных практиках является одним из необходимых условий эффективности модернизации.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации и на период до 2025 г.» [Электронный документ] URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (Дата обращения: 10.04.2019).

2. Чупров В.И. Проблема социального развития молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности // Молодежная Галактика. 2014. № 11. С. 38-41.

3. Заливайский Б.В., Самохвалова Е.В. Формирование семейных ценностей у молодежи в регионе // Знание. 2016. № 1-4 (30). С. 174-178.

4. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Отношение молодежи к семье в изменяющейся социальной реальности // Семья в современном обществе Сер. «Демография. Социология. Экономика». Под ред. Рязанцева С.В., Ростовской Т.К. 2018. 261 с.

5. Симонян Р.Х. Студенческая молодежь приграничных регионов России // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 82–89.

6. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. М.: Академический проект. 2017. 964 с.

7. Нехвядович Л.И. Многообразие подходов к определению понятия «этническая традиция» // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-3 (68).

8. Волков Ю.Г., Лубский А.В., Воденко К.В., Войтенко В.П., Денисова Г.С. Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России. Междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности / Ростов-на-Дону, 2018. 304 с.

9. Гофман А.Б. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ динамики и взаимодействия // Под редакцией А.Б. Гофмана. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 543 с. (Humanitas).

АСКЕРОВ А.Г. ИНТЕРНЕТ БЕЗОПАСНОСТЬ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Информационная безопасность человека подразумевает исключение опасностей в процессе информирования. Формирование информационной безопасности связано с воспитанием способности адекватно реагировать на поступающую информацию, избавляться от непродуманных действий, прогнозируя ситуацию и учитывая возможные последствия. Информационная безопасность, как часть национальной, не может быть обеспечена без должного стремления к ней государства, общества и личности, а в образовании — без создания необходимых педагогических условий для обеспечения информационной безопасности учащихся.

Многие студенты чрезвычайно зависимы от Интернета и не могут представить свою жизнь без него. Характерно, что в большинстве случаев интернет-общение захватывает именно тех индивидов, которые испытывают недостаток общения в реальной жизни и не имеют устоявшихся ярко выраженных коммуникативных стереотипов. Взгляды такого человека на межличностное взаимодействие будут формироваться на основе сетевого, а не реального опыта. И, следовательно, бессознательный перенос этого опыта на общение в повседневной жизни неизбежен.

Из многих факторов риска наибольшую опасность для студентов представляют современные компьютерные игры. С помощью компьютера натуралистично воспроизведены лужи крови и мозгов на стенах, жуткие крики и скрежет ломаемых костей, отрубленные головы и разлетающиеся куски окровавленной плоти. Изображения, движущиеся под музыку на цветном экране, оказывают гипнотическое воздействие на игроков. Во время игр подростки имитируют действия убийц, преступников: они десятками убивают, калечат, расчлениают тела игровых персонажей. Подросток знакомится с реалиями

криминального мира. Игроки находятся в состоянии "пассивного возбуждения", при котором удовольствие достигается без усилий, что оказывает расслабляющее воздействие на личность, действует как наркотик. У детей возникает ощущение собственного всемогущества. Реальные вещи забыты, жизненные проблемы не решены. У некоторых студентов проявляются признаки компьютерной зависимости. Нарушается общение со сверстниками, теряются контакты с близкими. Академическая успеваемость ухудшается. Спорт и искусство занимают последнее место в их жизни. При отсутствии возможности играть на компьютере у заядлых игроков начинается типичный "срыв"

Но учащиеся не только играют в игры, они также используют Интернет для поиска различных учебных материалов развивающего и научного характера для подготовки домашних заданий или общего развития. С одной стороны, хорошо, что учащиеся постоянно обращаются к интернет-ресурсам, а с другой стороны, существует проблема информационной безопасности подростка в глобальном Интернете, которая таит в себе крайнюю опасность. И эта опасность кроется не в самом компьютере (например, в свойствах излучения: они не больше телевизора), а именно в информации, которая размещена в сетях, доступ к которым открыт для всех.

Как учителю, мне безразлично, как эта информация может повлиять на интеллектуальное и нравственное развитие учащихся, их психическое и физическое здоровье.

Подростки привыкают к компьютеру, когда реальный мир не может предложить им других полноценных занятий. Не нужно бороться с компьютером, борьба не укрепляет семьи. Вам просто нужно понять истинные потребности ваших детей – и найти в себе силы и время общаться и слушать их. Просто посмотрите на все (включая компьютеры, телевизор, мобильный телефон, плеер и другие изобретения розеток) глазами подростков. И тогда виртуальный мир станет помощником для вашей семьи, а это именно то, для чего он предназначен.

Взрослые должны понимать, что проблема заключается в том, что подросткам не хватает простого человеческого общения и понимания, но также и компетентной информации. Поэтому родители и учителя должны сначала сами изучить основы компьютерной безопасности, а затем обучать этому своих детей. В своей преподавательской деятельности я уделяю большое внимание воспитательной работе с учащимися, направленной на преодоление негативного воздействия ИКТ, а также провожу беседы с родителями. В возрасте 15-16 лет взрослым трудно контролировать своих детей, так как они уже знают об Интернете гораздо больше, чем их родители. Тем не менее, особенно важно строго соблюдать правила интернет-безопасности - соглашение между родителями и подростками. Кроме того, необходимо как можно чаще просматривать отчеты о деятельности подростков в Интернете. Следует обратить внимание на необходимость хранить родительские пароли в строгом секрете от детей.

На родительском собрании был рассмотрен вопрос компьютерной безопасности подростков. И родители активно участвовали в обсуждении этого вопроса. Мне предложили следующие советы для родителей, работающих с детьми:

Советы по технике безопасности в этом возрасте от 16 до 20 лет:

- Составьте список домашних правил посещения Интернета с участием подростков и требуйте его безусловного выполнения. Укажите список запрещенных сайтов ("черный список"), часы работы в Интернете, руководство по общению в Интернете (в том числе в чатах).
- Компьютер с подключением к Интернету должен находиться в общей комнате.
- Не забывайте говорить с детьми об их друзьях в Интернете, о том, чем они занимаются таким образом, как будто мы говорим о друзьях в реальной жизни. Спросите о людях, с которыми дети общаются с помощью служб мгновенного обмена сообщениями, чтобы убедиться, что эти люди им знакомы.

- Используйте инструменты для блокировки нежелательного контента в качестве дополнения к стандартному родительскому контролю.

- Необходимо знать, какие чаты используют ваши дети. Поощряйте использование модерлируемых чатов и настаивайте на том, чтобы дети не общались в частном порядке.

- Настаивайте на том, чтобы дети никогда не встречались лично с друзьями из Интернета.

- Учите детей никогда не разглашать личную информацию с помощью электронной почты, чатов, систем мгновенного обмена сообщениями, регистрационных форм, личных профилей и при регистрации на конкурсы в Интернете.

- Научите детей не загружать программы без вашего разрешения. Объясните им, что они могут случайно загрузить вирусы или другое нежелательное программное обеспечение.

- Научите своего ребенка сообщать вам о любых угрозах или беспокойствах, связанных с Интернетом. Сохраняйте спокойствие и напоминайте детям, что они в безопасности, если они сами рассказали вам о своих угрозах или тревогах. Похвалите их и посоветуйте им снова обратиться в таких случаях.

- Расскажите детям о порнографии в Интернете. Помогите им защититься от спама. Научите подростков не сообщать свой реальный адрес электронной почты в Интернете, не отвечать на нежелательные электронные письма и использовать специальные почтовые фильтры.

- Приучите себя знакомиться с сайтами, которые посещают подростки.

- Объясните детям, что ни в коем случае нельзя использовать Сеть для хулиганства, распространения сплетен или угроз в адрес других людей.

- Обсудите с подростками проблемы онлайн-азартных игр и их возможный риск. Напоминаем, что дети не могут играть в эти игры в соответствии с законом.

Список использованной литературы.

1. Барбашин М. Технологии информационного воздействия и социальной вакцинации / <http://psyfactor.org/lib/propaganda18.htm>
2. Богомолова Н.Н. Социальная психология печати, радио и телевидения. – М.: МГУ. 2010;
3. Грачёв Г., Мельник И. Манипулирование личностью / http://philosophy.ru/iphras/library/manipul.html#_edn8
4. Ермаков Ю.А. Манипуляция личностью: Смысл, приемы, последствия.-Екатеринбург. 2015;
5. Кочергин А.Н., Коган В.З. Проблемы информационного взаимодействия в обществе. Философско-социологический анализ. М.: Наука. 2016.;
6. Шерковин Ю.А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М.: Мысль. 2012

ВЕРЕЩАГИНА А.В. РОЛЬ ПАТРИОТИЗМА В ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ЮГЕ РОССИИ

Полиэтнический характер Юга России определяет в качестве важного направления научно-исследовательских практик исследование условий и факторов формирования культуры межнационального общения. Важную роль в этом процессе играет патриотизм как фактор формирования общероссийской идентичности и социальной консолидации общества, гражданского сознания и культуры молодежи. В свою очередь, его формирование связано с этнокультурной спецификой населяющих регионы России (в данном случае, южнороссийского региона) народов.

В этом ключе имеет смысл рассмотреть сложившийся научный опыт в пространстве различных дисциплинарных практик. В них, как показывает анализ этого опыта, поднимаются такие вопросы, как: значимость религиозного фактора в становлении и развитии патриотизма (М.Х. Халимбекова)³², в том числе в контексте влияния религии на патриотизм мусульманской молодежи на Северном Кавказе (А.А-Дж. Койчуев)³³; влияние этнокультурных потребностей и процессов на формирование патриотического сознания молодежи (Ю.Г. Волков, Н.К. Бинеева, И.В. Печкуров)³⁴; место патриотизма в традиционной культуре народов Юга России (А.М. Магомедов)³⁵.

Различия в восприятии патриотизма связаны с этническими, религиозными и региональными маркерами идентификации, определяющими структуру

³² Халимбекова М.Х. Религиозное в культуре патриотизма // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2011. №4. С. 54-58.

³³ Койчуев А.А-Дж. К проблеме исследования гражданственности и патриотизма мусульманской молодежи на Северном Кавказе // Исламоведение. 2011. №1. С. 39-46.

³⁴ Волков Ю.Г., Бинеева Н.К., Печкуров И.В. Реализации этнокультурного образования и гражданско-патриотического воспитания на Юге России в контексте национальной политики // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. №3 (204). С. 86-96.

³⁵ Магомедов А.М. Духовно-нравственное единство, культура межнационального общения и патриотизм в традициях народов Дагестана // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2014. № 2 (27). С. 38-48.

патриотической идентификации населения разных регионов Юга России. В северокавказских республиках, к примеру, в большей степени проявляются традиции регионального патриотизма, связанного с историей и культурой своего края, народа, однако, даже на уровне регионального патриотизма проявляются общероссийские тренды патриотизма, связанные с героическими страницами истории страны. Так, опираясь на результаты проведенного в Дагестане социологического опроса, М.М. Шахбанова показала, что у дагестанцев чувство гордости за Дагестан вызывают, прежде всего, герои Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг., а также дагестанские традиции в культуре и достижения дагестанских спортсменов³⁶.

Полиэтничная структура Юга России и слава конфликтного региона, ставшего пространством межэтнических столкновений и противоречий, определила в качестве значимого вектор изучения патриотизма в данном регионе, связанный с перспективами гармонизации межэтнических отношений, обеспечением геополитической безопасности и стабильности политической ситуации. В данном ключе на уровне педагогических, политологических и социологических исследований ученые поднимают такие вопросы, как: 1) связь патриотизма и толерантности, проявление интолерантности в мировоззренческих установках молодежи на Северном Кавказе; 2) интегративный потенциал патриотизма; 3) перспективы обеспечения безопасного развития северокавказского региона в контексте формирования патриотизма.

Анализ таких явлений, как патриотизм и толерантность в контексте исторической траектории развития межнациональных отношений на Юге России привел ученых к выводу о том, что в большей степени отвечает запросам времени и восприятию молодежи понятие «патриотизм», нежели «толерантность», и в качестве примера реализуемых в молодежной среде патриотических практик

³⁶Шахбанова М.М. Патриотические настроения в установках дагестанских народов // Вестник Института ИАЭ. 2016. № 4. С. 150-162.

приводят позитивный опыт Кабардино-Балкарской республики³⁷. Однако не все ученые позитивно оценивают реалии патриотического воспитания в молодежной среде Северного Кавказа. Так, О.Д. Федотова пишет о потенциале скрытой враждебности в молодежной среде данного региона, основываясь на результатах проведенного ею пилотажного исследования среди молодых адыгов³⁸. Ею была установлена причина интолерантного потенциала в мировоззренческих установках молодежи – травмирующие историческое сознание представления о несправедливом характере территориального расселения черкесов.

Глубокая связь между исторической памятью и патриотизмом в контексте выявления его интегративного потенциала на Юге России проанализирована в работе Шадже А.Ю., Ильиновой Н.А. и Сетовой С.А.³⁹. Анализ эмпирических данных по Югу России позволил им обосновать значимость этнокультурного фактора в формировании патриотизма как основы межнациональной консолидации, а также влияние на историческое сознание трагических страниц истории каждого этноса, что определяет важность выстраивания конструктивного межэтнического диалога, выстраивая систему межэтнических отношений в русле новых тенденций общественного развития и аккумуляции позитивного опыта межэтнического общения.

В принципе, об этом же пишет и Шахов Ш.К., описывая геополитическую ситуацию на Северном Кавказе как небезопасную для России и молодого поколения, в связи с чем рассматривает патриотизм как фактор региональной и национальной безопасности, а образование как базовую площадку формирования

³⁷ Апажева Е.Х., Зумакулов Б.М., Маремшаова И.И., Цолоев Т.С. Патриотизм или толерантность: межнациональные отношения в полиэтнических обществах XXI в // Вестник КалмГУ. 2017. №4 (36). С. 6-11.

³⁸ Федотова О.Д. Потенциал скрытой враждебности в контексте проблем патриотического воспитания молодежи Северного Кавказа // Интернет-журнал Науковедение. 2015. №2 (27) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/49PVN215.pdf>

³⁹ Шадже А.Ю., Ильинова Н.А., Сетова С.А. Патриотизм как фактор социокультурной интеграции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. №3 (204). С. 188-197.

патриотизма общероссийского масштаба⁴⁰.

Но какой патриотизм нужен России и ее молодому поколению, чтобы решить стоящие перед страной внешние и внутренние проблемы? Не все ученые задаются этим вопросом и лишь немногие из тех, кто все-таки его ставит перед собой, дают четкие и концептуально оформленные ответы. На современном этапе наиболее обоснованной, научно выверенной и, как представляется ученым, адекватной российской реальности, является позиция о гражданском патриотизме как социокультурном базисе консолидации многонационального российского общества. О таком патриотизме пока можно говорить в проективном ключе, что следует из мнения социологов, занимающихся данными вопросом.

⁴⁰Шахов Ш.К. Общероссийский патриотизм как фактор образовательных программ // Казачество. 2017. № 4 (28). С. 7-13.

ВОРОБЬЕВ А.А. ДАГЕСТАН И КАСПИЙСКИЙ (ПЕРСИДСКИЙ) ПОХОД ПЕТРА I

В конце XVII-первой четверти XVIII столетий Россия стала возвращаться на Восток. Временный ее уход с Востока был связан с событиями «Смутного времени», когда пресеклась правящая династия Рюриковичей, а страна была охвачена массовыми крестьянскими бунтами, «самозванщиной» на царском престоле и иностранной (польской и шведской) военной интервенцией. Воцарение новой династии Романовых стало постепенно приводить к стабилизации внутривнутриполитической ситуации в России, а с началом правления Петра I Россия начала проводить широкомасштабные реформы во всех сферах жизни. Значительно активизировалась и внешняя политика России. В данной публикации речь пойдет о том, какое место занимал Дагестан в Каспийском (Персидском) походе Петра I.

Вначале следует отметить то, что восточный вектор внешней политики России во время правления царя-реформатора (Петра I) поначалу вовсе не занимал первое место, будучи отодвинутым на второстепенный план сперва южным, а потом северным направлениями. На юге особых успехов Петр I не добился, так как Азовские походы 1695 и 1696 годов не привели к выходу России к Черному морю, которое осталось внутренним морем Османской империи (Турции). Зато на севере удалось, правда, ценой огромных усилий и больших человеческих и финансовых потерь, получить выход к Балтийскому морю, победив Швецию в Северной войне 1700-1721 гг. После победоносного окончания Северной войны Петр I решил заняться и временно отложенным восточным направлением внешней политики России. В его далекоидущих планах была цель сделать Каспийское море внутренним российским морем. Однако такие же цели были и ранее и в рассматриваемое нами время у другого крупного государства – Персии (Ирана). Иранские феодалы, подчинив Грузию и Армению, неоднократно совершали

военные походы на территорию Северного Кавказа, пытаясь подчинить себе его народы, но успеха не имели. Зато у персов были хорошие связи со среднеазиатскими государствами (Кокандским и Хивинским ханствами и Бухарским эмиратом).

В немалой степени из-за подстрекательства персов потерпела неудачу экспедиция в Хивинское ханство под руководством князя Бековича-Черкасского в 1717 году. Средняя Азия интересовала Петра I как территория, через которую можно было вести транзитную торговлю с Индией. Экспедиция Бековича-Черкасского должна была «хивинского хана склонить к верности и подданству, привести и бухарского хана, хотя не в подданство, то в дружбу» [1, с. 314]. Доверчивость князя Бековича-Черкасского привела к тому, что его отряд был разбит на несколько мелких частей, которые потом были уничтожены внезапным нападением хивинских войск. Поражение отряда Бековича-Черкасского не остановило Петра I на его пути к установлению торговых связей с Индией уже через территорию Персии. Центром торговли России со странами Востока был город Астрахань, но одного порта на Каспийском море для дальнейшего развития торговли Петру I было мало, и он вознамерился приобрести еще несколько портов по Каспийскому побережью. Каспийскому (Персидскому) походу предшествовала достаточно тщательная военная и дипломатическая подготовка (был учтен печальный опыт экспедиции Бековича-Черкасского). Посол России в Персии А.П.Волынский еще в 1717 году выяснил, что правившая в то время в Персии шахская династия Сефевидов была очень слаба. В 1720 году Петр I назначил Волынского астраханским губернатором, дав ему поручение изучить пути к продвижению вдоль западного побережья Каспийского моря, а также «в великом секрете» приступить к строительству морских судов. В августе 1720 года находившийся под властью Персии город Шемаха (ныне город в Азербайджане) был захвачен и разграблен войсками лезгинского князя Дауд-бека. Пострадали от этого нападения и русские купцы, находившиеся в Шемахе [2, с. 409].

Вскоре русский посол в Персии Аврамов сообщил о восстании против шаха афганских племен, которые двинулись на тогдашнюю столицу Персии город Исфагань (ныне город Исфахан в Иране). Афганцы разбили войска шаха Гуссейна, свергли его с престола и захватили столицу Персии. Новым шахом стал сын свергнутого Гуссейна Тохмас-Мирза, который обратился за помощью к России. Петр I решил использовать удобный момент. Каспийский поход русской армии начался 18 июля 1722 года, когда по морю во главе с Петром I отплыли из Астрахани на судах 22 тысячи солдат и офицеров, а по суше, вдоль побережья, отправилось еще 9 тысяч человек кавалерии и вспомогательные казацкие и татарские отряды численностью в 50 тысяч человек. Высадившись в районе устья реки Терек, русские разбили войска выступившего против них султана Махмуда, а затем без боя заняли город Дербент. Затем из-за бури, разметавшей русские суда с провиантом, Петр I поход временно прекратил, а сам вернулся в Астрахань. Сухопутные же части русской армии под командованием генерала Матюшкина продолжали продвижение на юг. В декабре 1722 года был занят город Решт (ныне это город в Иране), который находился на южном побережье Каспийского моря, а в июле 1723 года после четырехдневного обстрела русские войска взяли город Баку (современная столица Азербайджана) [2, с. 410]. В Реште персы встретили русские войска весьма неприязненно, но их попытки изгнать чужеземцев успеха не имели. Мирный договор между Россией и Персией был подписан в Петербурге (новой столице России, куда ее перенес Петр I) 12 сентября 1723 года. По этому договору Персия уступила России в вечное владение Дербент, Баку, провинции Гилян, Мазандеран и Астрабад [3, с. 489].

Подписание договора между Россией и Персией, по которому к России отходило все западное и южное побережье Каспийского моря, едва не привело к войне между Турцией и Россией, так как Турция тоже претендовала на ряд территорий на Северном Кавказе и в Закавказье, которые являлись спорными между Россией, Турцией и Персией (Ираном). Войны между Турцией и Россией

удалось избежать благодаря деятельности дипломатов обеих стран, которые договорились о разделе сфер влияния на Кавказе. К турецкой сфере влияния отошла западная часть Кавказа, а к российской – восточная.

Подводя итоги всему вышеизложенному, можно сделать следующие выводы: Каспийский (Персидский) поход 1722-1723 гг. Петра I следует признать успешным, ибо по его итогам к России отошло западное и южное побережье Каспийского моря; поход был хорошо подготовлен, как в военном, так и в дипломатическом плане, были учтены многие ошибки, допущенные Россией в предыдущие времена; вероятно, Петр I рассчитывал на большее в плане присоединения территорий, поскольку на это (т.е. вхождение в состав России) вполне мог пойти грузинский (Картли-Кахетинский) царь Вахтанг VI и ряд правителей в Армении, но против этих планов выступила Турция, а ослабленная долгой Северной войной Россия не могла себе позволить начать войну против Османской империи; из всех народов Дагестана сильнее всех мешали осуществлению Каспийского похода лезгины, которые были менее всего связаны с ней торгово-экономическими и другими связями, а другие народы (аварцы, даргинцы, чеченцы-аккинцы, ногайцы, кумыки, лакцы) не были настроены столь негативно по отношению к Каспийскому походу у русской армии; такая реакция основной части населения тогдашнего Дагестана, на наш взгляд, заключалась в том, что она жила в горах, а современных городов, которые находятся близко к побережью (Кизляра, Хасавюрта, Кизилюрта) или на побережье Каспийского моря (Избербаша, Каспийска и Махачкалы) тогда еще не было и территорию расселения горцев боевые действия почти не задели (за исключением южной части Дагестана, где традиционно проживали лезгины и родственные им табасаранцы и рутульцы); после смерти Петра I его бездарные наследники не сумели удержать завоевания Каспийского похода и в 1739 году они были безвозвратно утеряны; тем не менее, этот поход содействовал расширению экономических, военных и культурных связей народов Дагестана с Россией.

Список использованной литературы:

1. История дипломатии: [сб.] / Сост. А.Локтионов. – М.: АСТ, 2005. – 943с.
2. Молчанов, Н.Н. Дипломатия Петра Первого / Н.Н. Молчанов // М.: Международные отношения, 1984. – 440 с.
3. Брикнер, А.Г. История Петра Великого / А.Г. Брикнер // М.: АСТ-Астрель, 2005. – 608 с.

ГАРУНОВА Н.Н., МИРЗОЕВА К.А. ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НИЖНЕТЕРСКОГО КАЗАЧЕСТВА

В последние годы наблюдается повышенный интерес отечественных историографов к казачьей проблематике вообще и нижнетерского казачества – в частности, что конечно же не случайно. Долгое время казачья тема относилась к своего рода «запретным». И сегодня, как никогда, важно для того, чтобы понять и разрешить современные проблемы, правдивое освещение истории прошлого Низовий Терека – одного из районов традиционного проживания казаков. В средствах массовой информации развернулись острые дискуссии об этнокультурном и социально-политическом, государственном статусе казачества, истории проживания и перспективах, связанных с его возрождением.

Цель статьи- рассмотреть общие закономерности формирования российского казачества как исторической системы на материалах тех группы, которые впоследствии вошли в состав Терского казачьего войска, так как они представляют собой два варианта образования казачьих сообществ.

История происхождения казаков, входивших в состав Российской Империи, до настоящего времени составляет один из неразрешенных вопросов. С одной стороны, казаки были защитниками страны от внешней агрессии, от натиска степняков. С другой — вожаками народных восстаний, пиратами и разбойниками. С течением времени казаки превратились в серьезную военную силу, которую государство использовало против своих противников. Интересно, что вплоть до настоящего времени так окончательно и не выяснено происхождение и первоначальное значение самого слова «казак». Причем, термин «казак» имел различное содержание в разных языках.

Казачество было сложным и многоплановым социально-политическим и социокультурным феноменом восточноевропейской (евразийской) истории. Оно

существовало в форме различных по целям, задачам, идеологическим установкам групп, в различных исторических условиях. Очевидно, что работа по уточнению самого понятия «казачество», а также по его типологизации, еще не закончена. Но очевидно и другое. Без достижения компромисса о терминах, без четкого понимания о каком из казачьих сообществ ведется разговор в каждом конкретном случае, мы не приблизимся к адекватному пониманию феномена казачества.

Версия об автохтонности происхождения казачества с самого его появления разделялась далеко не всеми исследователями. Миграционно-колониционная теория зарождения казачества получила большее распространение и приобрела в отечественной историографии роль непререкаемой истины. И только недавно ученые попытались синтезировать автохтонную и миграционно-колониционную теории.

В последнее время историки-профессионалы и политологи все чаще пытаются в своих исследованиях определить возможности и дальнейшие перспективы его возрождения, проводят консультативную работу с центральными и местными органами власти, оказывают поддержку казачеству. Переиздаются работы российских историков XVIII - начала XX в., становятся доступны интересные исследования эмигрантов и зарубежных авторов. Однако еще чувствуется нехватка научно-популярных изданий и просветительского материала, в которых были бы отражены наиболее актуальные проблемы истории и современности казачества с учетом последних достижений науки, обобщения уже имеющегося исторического наследия.

Дискуссия о казачестве идет, пожалуй, с момента его возникновения. В разное время менялись как уровень объективности, так и степень ее остроты. Одни участники этой дискуссии предполагают, например, что казачество - это субэтнос, этно-сословная группа, культурно-историческая общность - особая часть русского этноса. Это неоднократно доказывал исследователь Тишков В.А. Другие считают его служилым крестьянским сословием, искусственно созданным

царским правительством. На сегодняшний день существует достаточно многочисленное количество гипотез происхождения казачества, каждая из которых в большей или меньшей степени подкреплена соответствующей научной аргументацией, но ни одна из них пока не является общепризнанной. Буквально до последнего времени в советской историографии доминировала официальная теория, согласно которой предками казачества являлись вольнолюбивые русские люди, преимущественно, крестьяне, бежавшие от усилившегося феодально-крепостнического гнета за границы Русского и Польско-Литовского государств. Со второй половины XV в. они начали скапливаться за линией сторожевых укреплений на южной и юго-восточной окраинах, где возникли общины вольных донских, волжских, днепровских и гребенских казаков. В основе этих теоретических построений лежала марксистская теория классовой борьбы. Вместе с тем, сторонниками данной точки зрения были восприняты и многие положения так называемой миграционной теории происхождения казачества, особенно активно разрабатывающейся в русской историографии с середины XIX в. Эта теория базировалась на официальной версии московского правительства второй половины XVI в. о «беглохолопском» формировании казачества. Как отмечал еще В.Д. Сухоруков, у ее истоков стояло самодержавие. Некоторые ученые, обращая внимание на замалчивание имевшихся в русских летописях сведений о существовании казаков в период Золотой Орды, об их присутствии в войсках московских князей-предшественников Ивана IV и о не прекращавшихся их связях с Москвой вплоть до середины XVI в., объясняют это причинами социально-политического характера. По мнению этих исследователей, после ликвидации зависимости от монголов перед московскими князьями стояла сложнейшая задача окончательного объединения русских земель, значительная часть которых находилась в польско-литовских владениях. Усилению власти и авторитета московских великих князей препятствовала и сохранявшая известную силу

удельная система. Поэтому в объединительном процессе особое значение приобрела сильная и твердая великокняжеская власть.

Несмотря на достаточно большое количество различных теорий происхождения казачества, имеющих убедительное научное обоснование, ни одна из них на сегодняшний день не является общепризнанной. В дальнейшем всестороннем изучении нуждаются как миграционная, так и автохтонная концепции. Вопрос о «пришлости» или «автохтонности» нижнетерского казачества в Дагестане является довольно спорным, так как изначально связан с территориями на которых происходило расселение казаков. Очень важно подчеркнуть что казаки часто селились на землях необжитых, где ставили свои городки. При этом совершенно не важно каким феодальным владельцам Дагестана сегодня «прикрепляют эти земли как исконные».

Анализ имеющихся сведений свидетельствует о том, что нижнетерское казачество формировалось из различных компонентов (этнических, региональных, социальных и т.д.). Основу его составляли беглые «сходцы» из России и казачьи сообщества с «разных рек». Вольные казаки низовьев Терека принимали в свои общины всех, кто искал свободы и независимости от самодержавной власти. Казачество формировалось на Северо-Восточном Кавказе как специфический этнос, который можно отнести к числу коренных народов региона. Лишь позднее, в силу исторических условий оно обрело и сословный характер. Поводом к началу объединения терского казачества послужило создание первых русских городков и крепостей.

Но казачьи городки не относились к городским поселениям, в полном смысле этого слова, так как не имели других важнейших признаков города — развитого ремесленного производства и сколько-нибудь значительной торговли, да и по населению они были не столь уж велики. Не относились они и к сельским поселениям, так как сельское хозяйство не являлось в то время главным занятием его жителей. Особенностью казачьих поселений был их военный характер. В

казачьем быту термин городок будет бытовать вплоть до середины XIX в., а за названиями старинных урочищ, сохранивших следы прежних укрепленных поселений, повсеместно закрепится термин Старый городок, доживший до наших дней. Особенность городков как типа поселений обусловили два основных фактора: тесное взаимодействие с природной средой и непрекращающаяся война с внешними врагами. При этом враждебный мир инородцев в это время представлял для казаков большую опасность, чем мир неосвоенной природы.

Первые городки строились в низинах, в камышовых зарослях, на островах, то есть в местах неудобных для жилья, но дающих возможность легко укрыться, уйти через реку на лодках. По свидетельству источников, почти все ранние городки страдали от весенних разливов рек. Ситуация усугублялась тем, что большинство из них располагалось на левых (пологих) берегах. Паводковые воды причиняли жителям городков немалые беды. Строители городков прекрасно чувствовали природу и умели использовать ее в своих целях. Городки не противостояли природе, а как бы вбирали ее в себя, становясь частью ландшафта, сливаясь с ним. Описаний казачьих городков за XVI в. не сохранилось, а за XVII в. их дошло очень мало. Наиболее раннее принадлежат турецкому путешественнику Эвлии Челеби, который в январе 1667 г. проехал от Переволоки до Азова. Эвлия описывал городки как весьма мощные крепости с многочисленным казачьим населением. По всей видимости, планировка городков отличалась разнообразием и зависела, скорее всего, от рельефа и особенностей местности. Городки имели форму прямоугольника, квадрата, круга или овала (иногда в виде подковы), площадь городков зависела от количества населения.

Процесс объединения разнородной по своему социально-экономическому и политическому положению в обществе массы людей на Северном Кавказе и в т.ч. в Низовьях Терека, протекал довольно остро, порой при открытом неповиновении властям, и прошло не менее двух веков, прежде чем правительство разрешило существование казачества в виде особого военного сословия. Часто, обращаясь в

поисках аргументов к историческому прошлому казачества, но имея о нем весьма смутное представление, многие публицисты способствуют созданию новых мифов о нем взамен устаревших стереотипов советской эпохи.

Литература:

1. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. Наука, 1965. С.29.
2. Гарунова Н.Н. Исторические особенности формирования нижнетерского казачества: автохтонная и миграционно-колонизационная теории // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 7. С.167.
3. Заседателева Л.Б. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце ХУ1-Х1Х // Кавказский этнографический сборник. - Т.8. - М., 1984. С.38-60.
4. Карамзин, Н.М. История Государства Российскаго. Санктпетербург: печатано в Военной типографии Главнаго штаба Его Императорскаго Величества, 1816-1817. Т. 1. [1816]. С.78.
5. Омельченко И. Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 71.
6. Потто В.А. Два века терского казачества (1577-1801). Ставрополь, 1991. С.31.
7. Попко И. Терские казаки со стародавних времен.-СПб.,1880. С. VIII. С.463. Смирнов А. Морская история казачества. М.: Яуза, Эксмо,2006.С.49.
8. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979. С.71.
9. Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577-1877 : ко дню юбилейного празднования 3-го октября 1881 г. / сост. С. Писарев. - Владикавказ : Тип. Терск. обл. правления, 1881. - [2], VIII, С.15.
10. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии М.: Наука. 2003. С.34.

11. Шенников А. А. Червленый Яр: Исследования по истории и географии Среднего Подонья в XIV – XVI вв. / А.

ИГНАТОВИЧ А.Е., ХИРКОВСКИЙ В.В. СЕМИОТИКА ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ ПЛАКАТОВ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЙНОЙ КОЛЛЕКЦИИ)

Для современного российского общества Великая Отечественная война является одной из вех становления самосознания. Для постсоветского же пространства образы 1941-1945 гг. – это ещё и объединяющее начало. В условиях событий после 24 февраля 2022 г. важно осмыслить точки единения массового сознания России и Беларуси как союзного государства.

Визуальные образы Великой Отечественной в Беларуси продолжают осмысливаться как на научном уровне⁴¹, так и на уровне массового сознания и общественной практики. Однако в этом активно развивающемся проблемном поле существуют лишь единичные примеры обращения историков к художественным изобразительным источникам, позволяющим ответить на вопрос, какой представлялась Великая Отечественная война современникам. Не менее важный вопрос – какой представляется Великая Отечественная война сегодня. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны делает большую работу по сохранению памяти о 1941-1945 гг. Увиденное на экскурсии в музее создаёт представление о войне для нынешнего поколения. Цель исследования – выявить особенности семиотики визуальных образов коллекции плакатов Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны.

Плакат – изображение, несущее в себе определенные знаки, поэтому изучать его предлагается с помощью визуальной семиотики – это раздел семиотики, которая анализирует способ передачи сообщения визуальными изображениями. Рассмотрим плакат как элемент семиозиса – знакового процесса. Семиотический

⁴¹ Игнатович А. Е. Образы Великой Отечественной войны в плакатах 1941–1945 гг.: историко-культурный анализ / А. Е. Игнатович // *Веснік МДУ імя А. А. Куляшова*. – Сер. 3. – 2022. – № 2 (60). – С. 49–55.

анализ осуществляется по следующей схеме⁴²: 1) вычленение знаков в поле исторического исследования; 2) разделение знаков и «означаемого» значения знаков; 3) изучение способов кодировки и перекодировки знаков, то есть присвоения им смысла или замена одного смысла другим; 4) складывание из знаков нового исторического построения и присваивание ему определенного смысла, посредством которого интерпретируется текст. Культурно-семиотический подход предполагает апелляцию и к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса: значимым признается то, что является значимым с их точки зрения⁴³.

Исследователи выделяют основные направления идейной борьбы советского государства против фашизма в годы Великой Отечественной войны⁴⁴: 1) разоблачение антисоветизма и антикоммунизма, разъяснение характера войны; 2) отпор национализму и расизму, усиление патриотического и интернационалистического воспитания трудящихся; 3) социально-экономические вопросы в идейной борьбе против фашизма; 4) разоблачение кровавых преступлений захватчиков; 5) идейно-политическая деятельность партии по сплочению антифашистских сил на международной арене. Все эти направления были воплощены в визуальных образах, помещаемых на плакатах как самой массовой формы изобразительного искусства того времени.

В печатных листах чаще всего встречаются образы героического и драматического содержания. На листе плаката обычно помещались одна-две фигуры, их действие подчеркивалось характерным движением. Исследователи отмечают, что главными героями плаката в течение всего военного времени были советский солдат, совершающий подвиг, непокоренный патриот, борющийся на

⁴² Сидорцов, В. Н. Методология исторического исследования (механизм творчества историка) / В.Н. Сидорцов. – Минск: БДУ, 2000. – С. 151–152.

⁴³ Успенский, Б. А. Избранные труды. – Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры / Б. А. Успенский. – Москва : Академия, 1999. – С. 9.

⁴⁴ Кондакова, Н. И. Идеологическая победа над фашизмом (1941–1945 гг.) / Н. И. Кондакова. – Москва : Политиздат, 1982. – С. 5–8.

оккупированной территории, матери и дети, призывающие к защите и освобождению⁴⁵. Также традиционно считается, что советский народ в Отечественной войне – центральная тема патриотического искусства военного периода: художники показывали суровую правду гибели и жестоких страданий людей, но они понимали это как подвиг⁴⁶.

Обобщая выше приведённые мнения, авторы полагают, что тема непокоренного советского человека – это коренная идейно-художественная концепция о войне. На примере плакатов, представленных в каталоге коллекции плакатов Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны⁴⁷, постараемся определить круг образов, используемых художниками-плакатистами (Таблица 1). Уточнить круг используемых образов помогает вычленение знаков, которые являются своеобразными маркерами. Это пол, возраст и др., а также, например, форма для образа солдата, красный галстук для образа пионера и т.д. Естественно, что отнесение изображенного на плакате к тому или иному образу, может быть субъективно. В данном случае исследователь выступает в роли зрителя, а восприятие искусства – весьма личностный процесс. Однако, думается, в силу специфики источника, такой подход является оправданным.

Таблица 1

Образы Великой Отечественной войны в плакате (на материале каталога коллекции Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны)

⁴⁵ Суздаев, П. К. Советское искусство в период Великой отечественной войны и первые послевоенные годы / П. К. Суздаев. – Москва : Изд-во Академии художеств СССР, 1963. – С. 10.

⁴⁶ Суздаев, П. Художники Москвы в годы Великой Отечественной войны / П. Суздаев // Московские художники в дни Великой Отечественной войны: Воспоминания. Письма. Статьи / Отв. ред. П. К. Суздаев, сост. В. А. Юматов. – Москва : Советский художник, 1981. – С. 13–14.

⁴⁷ Родина-Мать зовет! Плакаты Великой Отечественной войны : каталог коллекции Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны / сост. Г. П. Павловская ; фото К. Л. Дробова, В. А. Сибрикова. – Минск : Літаратура і мастацтва, 2010. – 224 с.

№	Образы	Количество
1	советский солдат	78
2	обобщенный образ вооруженных сил СССР	46
3	обобщенный образ врага	39
4	Гитлер	29
5	ребенок	21
6	девушка	17
7	рабочий-труженик тыла	16
8	партизан	15
9	Женщина-мать	14
10	рабочая-труженица тыла	14
11	советский матрос	12
13	образы героического прошлого	11
14	союзники СССР	7
16	ополченец	6
17	Родина-мать	5
18	сельские жители	5
19	юноша	4
20	Сталин	4
21	комсомолец	3
22	политработник	3
23	Ленин	3
24	подросток	2
25	образы остербайтеров	2
26	обобщенный образ писателей	2
27	пионеры, школьники	2
	Всего	360

В целом, наиболее часто встречаются образы советского воина (солдата и обобщенного образа вооруженных сил СССР) и врага (его обобщенный образ и персонифицированный – Гитлера) как противоборствующих сил. При этом нельзя сказать, что эти образы трафаретны, шаблонны. Наоборот, образ солдата почти всегда неповторим, наполнен психологизмом. Зритель в тылу должен был видеть в нём героя, но не шаблонного, а «жизненного» (максимально, насколько это позволяют средства плаката как специфического изображения). Отсюда, думается, использование элементов фотомонтажа при создании плакатов этого периода.

Отметим и особенность изображения образа врага – почти всегда это гротеск, карикатура. Основное назначение плакатов-карикатур – высмеивание фашистов. Ведь не смеется над врагом только тот, кто его боится. А Гитлеру не удавалось запугать народ Советского союза. Казалось бы, гневные, показывающие зверства захватчиков, призывающие к отпору, к мести, уничтожению фашистов образы были бы более уместней. Но карикатуристы сразу взяли верный тон беспощадного разоблачения врага в широком диапазоне сатиры – от едкого юмора до убийственной иронии и гневной сатиры. За годы войны карикатура охватила широкий тематический диапазон действительности, нашла новые необходимые образы, приемы и стала поучительной летописью Великой Отечественной войны. Она отразила существенные грани общественной психологии народа, его негодование, ненависть и презрение к фашизму [4, с. 15].

Частым образом были матери, которые вдохновляли солдат сражаться и побеждать, не жалея собственной жизни (это сумма образов – Родина-мать, женщина-мать, рабочая-труженица тыла). Глядя на все данные плакаты, солдаты должны были почувствовать воплощённую авторами плакатов ответственность перед своей семьей, Родиной.

Неразрывно связано с образным строем плаката его цветовое решение. Цвет всегда эмоционально, активно воздействует на восприятие. Самым знаковым во всех смыслах слова является красный цвет. Он используется чтобы усилить не

только политическое, но и психологическое звучание образов. Красный цвет вне политического смысла олицетворяет высокую активность, борьбу в целом: это цвет, символизирующий кровь, гнев, огонь, чувства, раны, войну, кровопролитие, опасность, угрозу, силу, смерть, мужество⁴⁸.

Таким образом, при анализе коллекции плакатов Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны выявлено, что в печатных листах чаще всего встречаются образы героического и драматического содержания – образы противоборствующих сил. При этом образ защитника почти всегда неповторим, наполнен психологизмом, а образа врага – почти всегда это гротеск, карикатура. Важно отметить, что именно эти плакаты будут влиять на формирующиеся образы Великой Отечественной войны зрителей и сегодня, спустя десятилетия после войны.

⁴⁸ Фоли, Д. Энциклопедия знаков и символов / Д. Фоли. – Москва: Вече, 1997. – С. 427.

КАСУМОВ Р.М., ГАРУМОВ Н.М. СИТУАЦИЯ В РЕГИОНЕ В СЕРЕДИНЕ XVIII В. И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ ДАГЕСТАНСКИХ ВЛАДЕТЕЛЕЙ

Обстановка на Кавказе к началу 50-х гг. XVIII в. оставалась сложной. Свержение иранского владычества и отражение нашествий Турции и Крыма не ликвидировали угрозы порабощения с их стороны. Распадом державы Надиршаха решила воспользоваться Турция, надеясь на поддержку со стороны различных претендентов на трон и новых правителей возникших в Закавказье государственных образований.

Ввиду указанных причин положение в регионе оставалось неустойчивым. Народы Дагестана и других частей Кавказа не избавились от внешней опасности, особенно со стороны Турции и Крыма, продолжавших наступательную политику. Западные державы, оказывая им поддержку, продолжали выступать с антироссийских позиций. Россия, не сумевшая реализовать восточную программу, активно занялась решением кавказского вопроса и черноморской проблемы.

Последовательная политика экспансии, проводимая Турцией и Крымом, вызывала напряженность на Северном Кавказе. Главное внимание османские и крымские правители уделяли «нейтральной» Кабарде, через которую пытались воздействовать на дагестанских, грузинских, азербайджанских, чеченских и осетинских владетелей. С этой целью, как свидетельствуют источники, крымские ханы Казы-Гирей, Саадат-Гирей и Шабаз-Гирей не раз вторгались в Кабарду, пытаясь подчинить себе кабардинских князей, принуждая их переселиться на крымскую сторону⁴⁹.

Российское правительство решительно требовало от Порты обуздания

⁴⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1, 1750. Д. 1. Л. 188.

виновников нарушения Белградского трактата 1739 г. Такое требование, например, содержалось в заявлении российского посла И.И. Неплюева от 31 июля 1750 г., в котором подчеркивалась необходимость ответственного отношения обеих сторон к международным соглашениям ⁵⁰.

Однако хан Арслан-Гирей, продолжая нагнетать обстановку в Кабарде, возлагал всю вину на представителей российских властей. На обострение русско-крымских отношений определенное влияние оказывали западные державы, в частности Франция. Неслучайно в тот же день Неплюев, сообщая в Петербург о своем протесте Порте, особо подчеркивал: «Французы в Крыму нарочных для поддувания огня содержат» ⁵¹. Поддержка западных держав вдохновила османских и крымских правителей на новые антироссийские акции. В феврале 1751 г. вернувшиеся из Крыма лазутчики сообщили в Черкасск, что кубанский сераскер Саадат-Гирей пытается привести «тамошних горских черкес в подданство крымского хана», чтобы в случае войны с Россией они «обще с ним сераскером итти могли» ⁵².

Естественно, что эти донесения вызвали ответные действия со стороны России, усилившей политику «ласкания» кавказских владетелей, что имело важные политические последствия непосредственно в Дагестане и Кабарде. В 1750-1751 гг. обратились за подданством к России и получили заверения о покровительстве с ее стороны шамхал Хасбулат, дербентский хан Магомед Гусейн, кубинский хан Гусейн Али и 16 кабардинских князей и узденей баксанской «партии».

В то же время предпринимались конкретные меры для предотвращения внезапных набегов со стороны крымских и кубанских феодалов на

⁵⁰ Там же. Д. 3. Л. 3 об., 4.

⁵¹ Там же. Л. 4.

⁵² РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 408. Ч. 2. Л. 9 об.

Астраханско-Кизлярскую линию. Так, в указе императрицы Елизаветы Петровны астраханскому губернатору И.О. Брылкину от 15 июня 1751 г. конкретно предписывалось: поставить 100 гребенских казаков на реке Куме в урочище Хара-Хогон, стоящем от Кизляра в двухстах верстах; учредить две заставы между Астраханью и Кизляром: первую – в ста верстах от Астрахани на Баш-Мочаге и вторую – в ста верстах от Кизляра при Каспийском море, выделив «по сто человек доброконных и оружейных»; иметь в тех заставах «разъезды для урочища Джан-Баш», расположенном на половине пути. 18 октября того же года Брылкин доложил в Петербург об учреждении указанных форпостов между Астраханью и Кизляром⁵³.

Но добиться стабилизации обстановки этими мерами не удалось. Вследствие вмешательства Турции и Крыма в Кабарде вновь разгорелись трения между «баксанской и кашкатавской княжескими «партиями», придерживавшимися соответственно российской и османо-крымской ориентации. Обеспокоенный этим Петербург направил к ним полковника А. Щедякова и майора И. Барковского с поручением крайне стараться «добрым способом и увещеванием обоих партий помирить и согласить так, чтобы они все прежде бывшие их вражды забвению предали»⁵⁴.

Но выполнить это задание посланцам не удалось, так как сам Арслан-Гирей, тайно поощряя действия своих сыновей, разослал с ними воззвания кабардинским князьям, приглашая «их, владельцев, к себе всей Кабардой, чтобы они поселились в вершинах Кубани и были бы с ними заодно»⁵⁵.

Положение осложнялось тем, что, несмотря на неоднократные заверения из Стамбула соблюдать Белградский трактат 1739 г., там не только не

⁵³ АВПРИ. Ф. 121: Кумыцкие дела. Оп. 121/1, 1750. Д. 6. Л. 37 об. – 38; Д. 7. Л. 2 об., 3 об; 1751. Д. 5. Л. 16; 1752. Д. 2. Л. 11, 17 об.

⁵⁴ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 2. Ед. хр. 33. Л. 26 об.

⁵⁵ Кабардино-русские отношения... Т. 2. С. 175.

выполняли эти обещания, но и продолжали тайно поощрять крымцев и кубанцев на подрывные и враждебные действия в Кабарде, Дагестане и Грузии. Так, по поступившим оттуда сведениям в апреле 1752 г. Порты повелела крымскому хану «бесприметным образом на Кубань к тамошнему войску переправить еще до десяти тысяч татар»⁵⁶. Накануне этого решения высшие сановники Порты специально обсуждали вопрос «о горах и проходах в Дагистани», после чего был представлен специальный доклад султану Махмуду⁵⁷.

Согласно намеченному Диваном плану, под командованием бывшего великого визира Али-паши Хекима-оглу значительное турецкое войско должно было следовать к крымскому хану, объединиться с ним и с дагестанцами, совершить диверсию в Грузию «с той (дагестанской. – *Р. К.*) стороны». Мотивировалось это тем, что наступать оттуда «было свободнее, нежели с азиацкой, потому что от Тамани между Черным морем и нижними горами» имеется «абассинская дорога» не только удобная «для маршу войска», но и близко расположенная «до нижней Грузии». Сообщая об этом в Астрахань для принятия экстренных мер, из Петербурга предупреждали: «По всем известиям Порты превеликой от грузинцов возимела омбразж»⁵⁸. Донскому атаману С.Д. Ефремову также был направлен указ: «...как по оному нашему войску, так и всем регулярным и нерегулярным находящимся там войскам иметь наикрепчайшую предосторожность»⁵⁹.

Из сказанного следует, что наряду с Кабардой важное место во внешнеполитических планах России, Турции и Крыма занимали Дагестан и Грузия, выдвигавшиеся на передний план в зависимости от изменения

⁵⁶ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 429. Ч. 2. Л. 6.

⁵⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1, 1752. Д. 3. Л. 312.

⁵⁸ Там же. Ф. 77. Оп. 77/1, 1752. Д. 2. Л. 8об., 9.

⁵⁹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 429. Ч. 2. Л. 15.

обстановки на Кавказе. Так, по поступившим из Дербента сведениям, зимой 1751 г. турецкий султан Махмуд прислал «немалые подарки» дербентскому хану Магомед Гусейну, тарковскому шамхалу Хасбулату, кайтагскому уцмию Амир Гамзе и кубинскому хану Гусейн Али-хану, пытаясь выяснить: на каких условиях они «желают быть в подданстве»⁶⁰.

Однако дагестанские владетели не поддались обольщениям турецкого султана. Они отказались и от участия в междоусобной борьбе азербайджанских и грузинских феодалов, призывавших «итти для разорения Персии»⁶¹. Решающую роль в этом, как указывали северокумыкские князья, сыграло решение кизлярской администрации, предупредившей их о нежелательности междоусобной борьбы и вмешательстве в иранские дела, что объективно способствовало бы усилению влияния Турции. Россия была заинтересована в том, чтобы Порта, воспользовавшись неурядицами в Иране, не вышла к побережью Каспия. Не случайно П.М. Чекалевскому, назначенному консулом в Иран, помимо решения торговых дел, поручалось задание политического характера – «секретное наблюдение, секретное разведывание и донесение о тамошних происшествиях»⁶².

Однако, несмотря на старания Петербурга, междоусобицы продолжались, втягивая в свою орбиту и дагестанских владетелей. В апреле 1752 г. на реке Куре Ираклий потерпел поражение от шекинского хана Гаджи Челеби, которому помогали кубинский Гусейн Али-хан и эндириевский князь Альбури. Пользуясь успехом, Гаджи Челеби обратился к владетелям Аварии и Кайтага, чтобы захватить Тифлис. Оказавшись в трудном положении, Ираклий обратился за помощью в Кабарду и Осетию, при поддержке которых летом

⁶⁰ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 73. Л. 22 об.

⁶¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1, 1752. Д. 2. Л. 223.

⁶² *Ульяницкий В.А.* Русские консульства за границей в XVIII в. – М., 1999. Ч. 1. – С. 590–591.

того же года одержал победу над своим противником ⁶³. Закрепляя достигнутый успех, Ираклий направил посольство в Петербург, откуда, в свою очередь, в Тбилиси был командирован капитан О. Туманов. Донесения Туманова сыграли немаловажную роль «в определении дальнейшего направления русской политики на Кавказе» ⁶⁴.

Но успеху этой политики наряду с Турцией и Крымом по-прежнему препятствовали западные державы. Как доносил из Стамбула новый русский резидент А.М. Обресков, из-за неприязни к России они устремились причинить ей как можно больше вреда. «И такая страсть, – по словам посла, – заставляет их, зажмурив глаза на все итти» ⁶⁵. Возглавляла антироссийский альянс Франция, хотя более активно стали выступать Швеция и Пруссия.

В ответ на это российская сторона принимала активные меры для прекращения междоусобиц в Кабарде и поддержку пророссийской баксанской «партии», что оказывало влияние и на дагестанских владетелей. Сказанное подтверждается рядом примеров, хотя бы тем, что в феврале 1753 г. аварский нуцал Магомед-хан обратился с предложением: «Если российской стороне его услуги потребны», то он готов «со всякой ревностью без отмены служить», а оттоманской и персидской сторонам услуг никаких показывать он хан не будет ⁶⁶.

Но оттоманская и персидская стороны тоже не дремали, предпринимая активные шаги в направлении Дагестана. Сказанное подтверждается активным

⁶³ ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 73. Л. 23; *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 30-е гг. XIX в. – М., 1984. – С. 22.

⁶⁴ *Новосельцев А.А.* Освободительная борьба народов Закавказья в XVIII в. // *Вопросы истории.* 1972. № 5. С. 118–119.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1, 1752. Д.3. Л. 61 об.

⁶⁶ Там же. Ф. 77. Оп. 77/1, 1753. Д. 3. Л. 6.

вмешательством в дела Дагестана претендента на иранский престол Исмаил-бека, объявившего себя шахом Ирана 26 июня 1750 г. под именем Исмаила III⁶⁷. В феврале 1753 года он прислал дербентскому хану Магомед Гусейну богатые подарки, в честь чего там учинили салют из 9 пушек⁶⁸. Оживление в Дербенте было вызвано тем, что шах обратился к Магомед Гусейну с предложением прислать ведомость на своих военных людей, обещая «по той описи... денежное жалованье произвести». Правитель Дербента с готовностью принял это предложение: имеющиеся в ведомости дербентского хана военные люди были «переписаны и о том шаху ведомость послана»⁶⁹.

На деле оказалось, как подтверждают источники, что Исмаил-бек преследовал далеко идущие цели: таким же путем привлечь остальных дагестанских владетелей, а в случае успеха – овладеть Дербентом, как господствующим пунктом на побережье Каспия. Об этом свидетельствует тот факт, что от имени Исмаил-бека в марте того же года дербентский хан обратился с письмами к тарковскому шамхалу и кайтагскому уцмию, склоняя их на сторону шаха, но те ответили отказом, мотивируя тем, что «он Исмаил вовсе шахом утвердиться не может»⁷⁰. На позиции шамхала и уцмий оказало влияние вмешательство кизлярского коменданта И.Л. Фраундорфа, посоветовавшего им и засулакским князьям не поддаваться на призывы несостоявшегося иранского шаха. Этому же совету последовал и дербентский хан, прекративший попытки сблизиться с претендентом на иранский престол⁷¹.

Попытки Исмаил-бека заручиться поддержкой азербайджанских ханов

⁶⁷ Perry John. Karim Khan Zand. A history of Iran: 1747–1779. – Chicago, 1979. – P. 23.

⁶⁸ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 455. Л. 31.

⁶⁹ АВПРИ.Ф. 77. Оп. 77/1, 1753 .Д. 4. Л. 20.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 455. Л. 33.

⁷¹ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1, 1753. Д. 4. Л. 15.

имели тот же финал. Примечательно в этой связи то, что кубинский правитель Гусейн Али-хан обратился в Петербург от имени правителей Шемахи, Баку, Кайтага, Тарки и Табасарана, выражая готовность служить императрице ⁷². Мало того, в марте 1754 г. в Кизляр лично обратился аварский нуцал Магомед-хан, выражая готовность не только служить «Е.И.В. ревностно и щательно», но «и войско умножить и знатных мусульманских народов побудить» ⁷³.

Как и следовало ожидать, попытки подкупа владетелей Дагестана и привлечения их на свою сторону, предпринимаемые претендентом на шахский престол, вызвали немалый интерес со стороны как Петербурга, так и Стамбула, попытавшегося снова укрепить свои позиции путем выдвижения самозванцев на иранский престол. Не случайно в Петербурге внимательно изучали первые же донесения, поступавшие от консула в Энзели П.М. Чекалевского, которые только подтверждали эти намерения Порты. Так, в одном из донесений от 10 декабря 1753г. уже содержалась информация о самозванце, «выехавшем из турецкой области в Персию претендентом персидского престола и называвшим» себя «шах Султан Хусейном вторым». Как сообщают источники, оказалось, что этот самозванец год назад прислал указ из иракского г. Неджеф в Тебриз, объявив «публично себя наследником шахова престола», имевшим «намерения тогда же и сам в Персию прибыть», но якобы вынужденного скрываться сначала в России, а затем в Иране, а «напоследок в упомянутое место (Неджеф. – *Р. К.*) близ Вавилона (Багдад. – *Р. К.*) прибыл» ⁷⁴.

По ходу анализа этих известий 18 мая 1753 г. Коллегия иностранных дел составила специальную «Премоморию», в которой отмечалось, что особой

⁷² Там же. Д. 3. Л. 227 об.

⁷³ Там же. 1754. Д. 6. Л. 14, 15 об.

⁷⁴ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 456. Л. 40 об. – 41.

угрозы для самой России они не представляют, хотя и могут осложнить положение в Иране и прикаспийских областях Кавказа ⁷⁵. После такой констатации следовал важный вывод относительно позиции Турции, представляющей угрозу интересам России: «Ежели сей последней султаном Хусейном вторым называющийся, от турецкого двора подлинно подкрепляется, то предостерегать надлежит, не вступят ли туда в Персию турецкие войска в таком намерении, чтоб под предтекстом восстановления шаха и внутренней тишины завладеть некоторыми провинциями в Персии, особливо при Каспийском море лежащими, чего весьма не допускают интересы Российской империи» ⁷⁶.

В ожидании такой перспективы Россия стала укреплять свои позиции на Северном Кавказе путем возвращения кашкатавских князей на свои родовые поместья, принятия ими российского подданства и примирения с князьями баксанской «партии». Согласно реестру кизлярской канцелярии за 1753 г., присягу на верность России подписали 15 князей и 26 знатных узденей кашкатавской «партии» ⁷⁷. 23 октября того же года представители враждующих «партий» подписали соглашение о прекращении междоусобиц в урочище Тохтамыш «с целованием на Коране», что способствовало временному примирению в этой части Кавказа. Граница между примирившимися сторонами устанавливалась по реке Чегем ⁷⁸.

⁷⁵ *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII в. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1988. – С. 298.

⁷⁶ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 455. Л. 40 об – 41; *Мальбахов Г.К., Дзамихов К.Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымских ханством (середина XVI – конец XVIII в.). – Нальчик, 1996. – С. 216.

⁷⁷ Кабардино-русские отношения... Т. 2. С. 181, 182, 191.

⁷⁸ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1, 1754. Д. 4. Л. 37–44; *История Кабарды с древнейших времен до наших дней.* М., 1958. – С. 61.

В отличие от Кабарды, положение в Дагестане оставалось неопределенным. Этому способствовали события в Иране, имевшие непосредственное отношение к Дагестану. Суть их заключалась в том, что в Иране появился очередной претендент на шахскую корону, выдававший себя то за сына Надир-шаха, то за сына шаха Тахмаспа под именем Сулеймана Мирзы ⁷⁹. Выдвинутый Портой, прибыв весной 1755 г. в Кубу, он обратился с воззваниями к правителям Дербента, Баку, Шеки и Шемахи «итти в Персию» для «постановления» его шахом с признанием верховной власти в Иране ⁸⁰. Хотя намеченный поход в Иран не состоялся, вмешательство Турции накалило обстановку в Дагестане и Закавказье.

Ситуация в Кабарде также оставалась сложной. Крымский хан Арслан-Гирей продолжал настраивать Порту против России, пользуясь услугами своего фаворита в Стамбуле Салиха-Эфенди. Но в результате возникшего конфликта между самим ханом и Едисанской Ордой он был низложен султаном Османом III (1754–1757) и заменен ханом Халил-Гиреем I ⁸¹, который, несмотря на печальный опыт своего предшественника, продолжал прежнюю политику. Этим воспользовались противники нового хана для восстановления своего влияния над Кубанской Ордой. В августе 1756 г. сын Арслан-Гирея Саадат-Гирей, объединив своих сторонников, изгнал с Кубани сына Халил-Гирея Селим-Гирея.

К середине 50-х гг. видное место в кавказской политике России, Турции и Крыма, наряду с Кабардой и Дагестаном, заняли Осетия, Чечня и Ингушетия. Заметным событием в этом отношении послужило принятие

⁷⁹ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1, 1755. Д. 7. Л. 8 об; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 501. Л. 167.

⁸⁰ *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ... С. 132.

⁸¹ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии // Записки императорского общества истории и древностей (ЗИОИД). – Одесса, 1889. Т. 15. – С. 81.

осетинского посольства в Петербурге в 1752 г., после чего царизм усилил политику христианизации осетин и ингушей как средство усиления над ними российского влияния. Однако поощрение переселения осетин и ингушей из горных ущелий на равнинные земли Притеречья, находившиеся в собственности кабардинских, чеченских и кумыкских князей, обостряло отношения не только с этими владельцами, но и с Турцией и Крымом, бдительно следившими за политикой России на Северном Кавказе.

Ввиду указанных причин «переселенческая» политика царизма носила осторожный характер. Она проводилась с учетом не только кавказской, но и международной обстановки в целом, сложившейся накануне Семилетней войны (1756–1763). Такая тенденция объяснялась тем, что прусский король Фридрих II (1740–1786), ожидавший столкновения с Россией, пытался спровоцировать Турцию против нее, активно поддерживая антироссийские действия Стамбула и Бахчисарая на Северном Кавказе. Этому же способствовало и то, что к тому времени во внешней политике Турции произошел резкий поворот, приведший ее в антироссийский лагерь, возглавляемый Англией и Пруссией. Под их влиянием Турция стала готовиться к войне, возобновив переговоры о заключении военного союза с Пруссией⁸².

В этой обстановке, во избежание конфликта с Турцией и Крымом, с одной стороны, и обострения ситуации в самой Кабарде – с другой, русское правительство решило отвести для заселения осетин и ингушей часть территории, находящейся в российском владении, между станциями гребенских казаков за рекой Курпа до Кизляра⁸³. Летом 1758 г. была проведена военная экспедиция против чеченских князей, ущемлявших интересы верных России крещенных

⁸² Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе... С. 84.

⁸³ АВПРИ. Ф. 118. Оп. 118/1. Д. 1. Л. 28, 34.

кабардинских князей. Принимались меры для ограждения засилья князей Большой Кабарды над малокабардинскими князьями, сохранявшими верность России. Учитывались также и возможные последствия смещения в июле 1758 года хана Халил-Гирея и замены его не менее беспокойным ханом Керим-Гиреем ⁸⁴.

При анализе ситуации в регионе к концу 50-х гг. следует учитывать, что гегемонистские устремления Турции и Крыма простирались не только на Северный Кавказ, но также на Закавказье и прикаспийские провинции Ирана. Не сумев закрепиться в них через владельцев Дагестана и Азербайджана, Порты вновь переправила в Грузию очередного самозванца, известного под именем Сам-Мирзы. В Стамбуле рассчитывали на то, что с его помощью можно будет смягчить недовольство османской политикой, а в случае удачи – посадить самозванца на персидский престол.

Об этом свидетельствуют материалы поступивших донесений в июле 1759 г. из Кабарды и Кизляра в Петербург. В них сообщалось «о собрании турецкого войска», предназначенного быть «при шаховом сыне... называемом Мурзе», находящимся «ныне в турецкой области», чтобы идти «к грузинским жилищам, кои подвластны туркам, для приведения их в покорение по их непослушанию» ⁸⁵.

Это сообщение подтвердилось и другими источниками. Ссылаясь на донесения лазутчиков из Дербента, в начале августа кизлярский комендант Л.И. Фрауендорф предупредил астраханского губернатора А.С. Жилина «о приближении из Грузии в пятнадцать тысячах турецкого войска» ⁸⁶. Комментируя поступившие к нему материалы, комендант подчеркивал, что

⁸⁴ Головчанский С.Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. // Записки Терского общества любителей казачьей старины (ЗТОЛКС). – Екатеринодар, 1914. № 11. – С. 101–102; АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1, 1758. Д. 5. Л. 244 об. 245.

⁸⁵ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 656. Л. 38.

⁸⁶ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Ед. хр. 441. Л. 13.

для поддержки этой акции в Стамбуле издан специальный манифест. «Оттоманская Порта, – подчеркивалось в нем, – признав онаго (самозванца. – *Р. К.*) за законного наследника иранского престола, намерена возвести на шахство силою своего оружия, ежели персияна не примут ево себе в государя»⁸⁷.

Однако глубокий социально-экономический, политический, военный, духовный, по существу всеобъемлющий системный кризис, крайне ослабивший верховную власть и вооруженные силы⁸⁸, не позволили правителям Османской империи ринуться в очередную авантюру на кавказском направлении, тем более что предшествующие попытки такого рода оканчивались провалами. К тому же на пути этой надломленной силы оказалась возросшая мощь России, готовая дать отпор посягательствам на свои интересы на Кавказе.

Действительно, в конце 50-х – начале 60-х г. в кавказской политике России наступил новый этап, связанный с превращением Кавказа не только в базу геополитического стратегического значения, но и хозяйственного освоения края. Главный вектор этой политики был направлен на Дагестан, где в конце 50-х гг. разгорелись междоусобицы среди кумыкских владетелей. Следует отметить, что в распрях между костековским владетелем Алишем Хамзиным и его братом эндиреевским князем Темиром Хамзиным российская администрация встала на сторону Алиша, рекомендуя признать его старшим среди кумыкских князей.

Исходя из таких соображений, за доброжелательное отношение к России в 1757 г. оклад Алиша повысили со 120 до 300 рублей. Специальным

⁸⁷ Там же. Л. 13 об.

⁸⁸ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1, 1751. Д. 4. Л. 129; 1752. Д. 4. Л. 67 об.; 1756. Д. 3. Л. 289 об. 290; Ф. 77. Оп. 77/1, 1752. Д. 2. Л. 29; *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // К. Маркс и Ф.Энгельс. – Соч. – 2-е изд. – Т. 22. – С. 17.

распоряжением из центра от 4 декабря «для его охранения» было отправлено в Костек из Астрахани 2 из имеющихся там 10 медных пушек ⁸⁹. Тогда же владельцы Аксая и Эндирея признали Алиша Хамзина старшим кумыкским правителем, обязуясь «быть у него в послушании» ⁹⁰. В 1759 г. за верное служение России его наградили чином кумыкского воеводы со званием бригадира и окладом в 500 рублей ⁹¹. Комментируя это решение, канцлер М.И. Воронцов подчеркивал необходимость «сей кумыцкой народ, яко весьма немалой и находящийся на самой персицкой границе, для всяких и впредь случаев содержать в подданстве» ⁹².

Одновременно принимались меры для укрепления границ со стороны Крыма, подвергавшихся беспрестанным нашествиям крымских и кубанских феодалов. Не случайно назначенному временным поверенным в делах в Бахчисарай в декабре 1752 г. А. Шестакову давалось задание политического характера: «Следить за вооружениями крымцев и за их политическими замыслами, за сношениями их с Портою, Пруссиею и Польшею и отношениями их и эдисанцев (Едисанской Орды. – *Р. К.*) к Порте в смысле их повиновения султану» ⁹³.

Интерес российских министров к Кабарде не был случайным. Политическая борьба в Крыму, взаимоотношения крымских ханов с Россией и Турцией непосредственно влияли на политическую обстановку на Северном Кавказе. Имея своих приверженцев в Кабарде, в начале 1760 г. хан Керим-Гирей обратился к ним с призывом: «Стараться общим согласием предаться сиятельной Порте и Крыму,

⁸⁹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Ед. хр. 409. Л. 43.

⁹⁰ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1, 1757. Д. 5. Л. 13; Ф. 121. Оп. 121/2, 1762–1776. Д. 1. Л. 159–160.

⁹¹ *Гаджиева С.Ш.* Кумыки... С. 290.

⁹² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Ед. хр. 409. Л. 45.

⁹³ Цит. по: *Ульяницкий В.А.* Русские консульства за границею... Ч. 1. – С. 438.

следуя правилам мусульманского закона»⁹⁴. 3 марта М.А. Обресков немедленно отправил сообщение в Петербург: «Хан крымской подушает Порту на разрыв с нами»⁹⁵.

Действительно, за призывами Керим-Гирея последовали конкретные дела. В апреле-июне 1760 г. он трижды посылал своих эмиссаров в Кабарду, надеясь привлечь кабардинских князей на свою сторону, но не добился успеха. Озабоченное этим, российское правительство принимало свои контрмеры. В специальном рескрипте Обрескову от 10 июля предлагалось незамедлительно заявить решительный протест Порте со ссылкой на то, что действия Керим-Гирея противоречат Белградскому трактату 1739 г. и вызваны «единым намерением, дабы двор наш привести в ссору, или в явную войну с Портою Оттоманскою»⁹⁶.

Ввиду указанных причин обстановка на Кавказе оставалась сложной. Особой остроты она достигла в Дагестане после смерти шамхала Хасбулата, когда шамхальское достоинство стали оспаривать бойнакский владетель Муртузали и казанищенский владелец Тишсиз (беззубый) Баммат. Сообщая о начавшихся междоусобицах в Петербург, Л.И. Фрауендорф подчеркивал, что Хасбулат умер 1 апреля 1759 г., а на его место решено возвести племянника Хасбулата Магомеда, которому от роду 15 лет. Но комендант сомневался в возможности утвердить шамхалом Магомеда, «потому, ежели кто другой не из той же пароды старше его просить будет о возстановлении себя шефкалом... может учинитца перемена»⁹⁷.

Комендант не ошибся в своих прогнозах. Как доносил в мае тот же Фрауендорф, спустя 40 дней после кончины Хасбулата шамхалом был

⁹⁴ Цит. по: *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе... С. 85.

⁹⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1, 1760. Д. 2. Л. 68.

⁹⁶ Там же. Л. 76.

⁹⁷ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 1664. Л. 1071 об.

объявлен бойнакский владелец Мехди, но ввиду его преклонного возраста передал эту власть своему сыну Муртузали, которого поддержали его брат Баммат, акушинские старшины и казикумухский хан Магомед ⁹⁸. Воспользовавшись смутами, новый правитель Кубы Фатали-хан захватил Дербент. Междоусобицы в Дагестане приняли затяжной характер, вовлекая новых участников. Оспаривая шамхальское достоинство, против Муртузали выступил Тишсиз-Баммат, которому помогли стать шамхалом на месяц аварский нуцал Магомед-хан, уцмий Амир-Гамза, владетели Костека и Эндирея Алиш Хамзин и Темир Хамзин. Однако при поддержке Койсубулы, Акуша-Дарго и Фатали-хана Кубинско-Дербентского шамхальство осталось за представителем старшего шамхальского рода Муртузали ⁹⁹.

В конце 1762 г. Тишсиз-Баммат переселился в Эндирей, откуда обратился к кизлярскому коменданту А.А. Ступишину с просьбой о принятии в российское подданство. Заверив Тишсиз-Баммата в добром расположении к нему российской администрации, комендант предупредил его, чтобы он не враждовал с шамхалом Муртузали, чтобы не вызвать набегов последнего на подданных России – владетелей Эндирея, Костека и Аксяя. По-видимому, довольный действиями кизлярского коменданта, Муртузали также обратился к Ступишину с просьбой о принятии российского подданства, что также нашло поддержку со стороны российских властей ¹⁰⁰.

Одобрив политический курс Ступишина, Коллегия иностранных дел предписала ему и «впредь старатца кумыцких владельцев, сколько возможно, воздерживать, чтобы они явного отмщения, за изгнание ево (Тишсиз-Баммата. – *Р. К.*) тарковскому шефкалу (Муртузали. – *Р. К.*) и военного с своей стороны

⁹⁸ Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе... С. 216–217.

⁹⁹ Бакиханов А.-К.А. Гюлистан-и Ирам... – С. 139; Алкадари Г.-Э. Асари – Дагестан... – С. 90.

¹⁰⁰ АВПРИ. Ф. 121. Оп. 121/1, 1763. Д. 1. Л. 1.

на его жилища и владения наступления не делали»¹⁰¹.

Междоусобная борьба в Дагестане притягивала внимание не только Петербурга, но и Бахчисарая и Стамбула. Каждая из сторон имела свои планы не только в отношении Дагестана, но и всего Кавказа, что подтверждается рапортами кизлярского коменданта. Так, ссылаясь на донесения владельцев Аксая и Казикумуха, в апреле 1762 г. Ступишин сообщал, что к ним поступили письма от турецкого султана с извещением «о несогласии ... между Россией и Портою Оттоманскою» и внушением, чтобы «весь дагестанский народ по однозаконству (с турками. – *Р. К.*)... никакова вспоможения России не делал»¹⁰².

Эта информация коменданта подтверждается и другими источниками. Например, отправленный астраханским губернатором «для разведования» в Персию А. Алтышев доложил ему, что в ноябре 1761 г. к кубинско-дербентскому Фатали-хану в Дербент прибыл посланник кубанского сераскера Бахадур-Гирея Исмаил-ага с подарками и письмами, в которых сообщалось, что сераскер намерен вступить «с войском против горских черкесов темиргоевцев от коих будет и Кабарда а может быть коснетца и Кизляра». Извещая об этом Фатали-хана, Бахадур-Гирей призывал, чтобы он «ни к которой стороне не приставал и с ним сераскером имел дружество»¹⁰³. Фатали-хан отправил Бахадур-Гирею подарки и письмо, но содержание письма оставалось тайной.

Вместе с тем, с начала 60-х гг. российская сторона принимала и меры политического характера, направленные на поощрение принятия северокавказскими владельцами российского подданства. С этой целью, используя восшествие на престол императора Петра III, Коллегия

¹⁰¹ Там же. 1762–1776. Кн. 1. Д. 1. Л. 11.

¹⁰² Там же. Ф. 77. Оп. 77/1, 1762. Д. 4. Л. 19.

¹⁰³ Там же. 1761. Д. 2. Л. 153.

иностранных дел 31 декабря 1761 г. поручила кизлярскому коменданту привести к присяге всех кумыкских владетелей ¹⁰⁴. Эта акция повлияла не только на кумыкских, но и на других князей. В феврале 1762 г. от имени «всего народа» присягу на верность России дали 49 представителей Дагестана и Чечни, в том числе: из Аксая – 5, Эндирея – 4, Чечни – 5, Брагун – 2, Костека – 1, Герменчика – 1, Анди – 1 ¹⁰⁵.

Более активно и масштабно кавказская политика царизма стала проводиться со времени восшествия на престол Екатерины II в 1762 г. Не случайно в указе Коллегии иностранных дел А.А. Ступишину от 12 августа, изданном в связи с ее коронацией, особо подчеркивалась необходимость незамедлительного извещения об этом «кабардинских владельцев обеих партий» ¹⁰⁶. Не случайно и то, что весть об этом указе вызвала беспокойство османских и крымских правителей, подогреваемое западными державами. По словам Обрескова, обращение Коллегии к кабардинским князьям, вызвавшее негативную реакцию со стороны Стамбула и Бахчисарая, стало предметом политических спекуляций аккредитованных в турецкой столице дипломатов Франции, Дании и Пруссии, что подтверждается их собственными признаниями ¹⁰⁷.

Например, 23 июня 1762 г. прусский посланник Рексин доносил своему королю, что «находящийся здесь (в Стамбуле. – *Р. К.*) датский посланник Геллерт работает у Порты сильно, чтоб Ея на россиян подвигнуть» ¹⁰⁸. В то же время сама Пруссия активно поощряла реваншистские устремления Турции и Крыма на Кавказе. Так, согласно реляции Обрескова от 24 октября 1762 г.,

¹⁰⁴ Там же. Ф. 121. Оп. 121/1. Д. 2. Л. 2 об.

¹⁰⁵ Там же. Д. 1. Л. 22–23 об.

¹⁰⁶ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Ед. хр. 520. Л. 27.

¹⁰⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1, 1762. Д. 323. Л. 22 об.

¹⁰⁸ Там же. Д. 231. Л. 33.

только за вторую половину предыдущего года прусский король снабдил хана Керим-Гирея на сумму около 500 тысяч левков ¹⁰⁹.

Примечательно, что донесение Обрескова подтвердилось сведениями, поступившими из Крыма. Прибывший оттуда в конце декабря Г. Капанчиев также сообщил, что хан «имеет с прусским королем дальнюю дружбу и переслано от короля к хану немалое число денежной казны с прошением, чтоб хан начал с Россией войну» ¹¹⁰. Касаясь позиции Франции по этому вопросу, он не преминул сказать «о происках французских», направленных на то, чтобы «возбудить хана... против империи (Российской. – *Р. К.*)... и трактату (Белградскому. – *Р. К.*) противной поступок» ¹¹¹.

Заявив через резидента Обрескова решительный протест Порте на действия крымского хана, российское правительство усилило политику приобщения на свою сторону местных владетелей. Важным средством на этом пути стало поощрение переселения осетин и ингушей на равнинные земли и покровительство холопам, бежавшим от притеснения кабардинских, чеченских и кумыкских князей. Вернувшийся из поездки в Эндирей и Аксай ротмистр М. Макаров 20 июня 1762 г. докладывал в Кизляр, что подданные эндиреевского владельца Муртузали «карабулатцы или балсуди» (карабулаки. – *Р. К.*), составлявшие 9 аулов, «желание к переселению на чистые места и быть под защитением российским возымели» ¹¹². Летом того же года подданство России приняли 500 дворов карабулаков ¹¹³, переселившихся на плоскость

Во избежание недовольства этим переселением и поощрения их склонности к России в августе 1762 г. императрица повелела сообщить, что

¹⁰⁹ Там же. Л. 108.

¹¹⁰ Там же. Д. 325. Л. 81.

¹¹¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Ед. хр. 523. Л. 150 об.

¹¹² Там же. Ед. хр. 524. Л. 30.

¹¹³ АВПРИ. Ф. 118; Кизлярские и моздокские дела. Оп. 118, 1762–1772. Д. 1. Л. 18.

объявляется «бригадиру кумыцкому владельцу Хамзину, и протчим владельцам, андреевским, аксайским, брагунским, чеченским, кременчиковскому, алдинскому и их узденям, и всем нашим подданным кумыцким и другим горским народам наша императорская милость»¹¹⁴.

На основе этой декларации в октябре 1762 г. были приняты решения Сената и одобренный императрицей указ Коллегии иностранных дел об определении местом переселения склонных на сторону России горцев, особенно принимающих христианство, урочище Моздок, где управляющим назначался крещенный кабардинский князь Кургоко Кончокин, а комендантом будущей крепости подполковник П.И. Гак. При этом самому князю назначалось единовременное пособие 500 рублей, пожелавшим креститься его узденям – по 40 рублей, не желающим – по 30 рублей. После создания такой основы, желающим поселиться впредь в Моздоке, семьям старшин и узденей «единожды» – по 10 рублей, рядовым – по 5 рублей, а холостым – 2,5 рубля¹¹⁵.

Намеченные меры имели масштабный, перспективный характер, содержали новые акценты в координации кавказской политики царизма. «Для усиления Кизлярского края», кроме указанных категорий населения, считалось целесообразным поощрять переселение в указанное место «всякой нации людей, то есть чеченцев, кумык и других из горских народов и ногайцев, креститься желающих, а для размножения шелка и мануфактур – дозволения селитца и всех христианских наций людям, как-то: грузинцам, армянам и другим... располагая их селения по реке Терку между новой крепости и гребенского Червленого городка»¹¹⁶.

Создав основу для усиления влияния России на Северном Кавказе,

¹¹⁴ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Ед. хр. 520. Л. 71.

¹¹⁵ Кабардино-русские отношения... Т. 2. С. 220.

¹¹⁶ Там же. С. 219; *Викторин В.М.* Из истории религиозной политики России на Северном Кавказе (60–80-е гг. XVIII в.) // Восток. 1998. № 6. С. 49.

правительство вернулось к изучению реакции Турции и Крыма на строительство Моздока и внешнеполитических замыслов Ирана на Кавказе. В этой связи М. Шулякову, назначенному консулом в Иран в июле 1762 г., поручалось сообщить интересующие Петербург сведения военно-политического характера. Задание аналогичного свойства было дано и А.Ф. Никифорову, отправленному в августе 1763 г. консулом в Крым, но с существенной добавкой: выяснить с крайней осторожностью «не покусятся ли он (хан Керим-Гирей. – *Р. К.*) желанием быть в русском подданстве или отступить от Порты, и учинить себя самодержавным и ни от кого независимым государем, в какой он силе и кредите у татарских народов»¹¹⁷.

Другим каналом получения подобной информации служили сведения, доставляемые лицами, отправленными по служебным делам или для «разведования» в Закавказье и Иран. Так, согласно источникам, ездившие для продажи коней в Муганскую степь в марте 1763 г. эндиреевские жители видели там иранского правителя Керим-хана с немалым войском. По их словам, Керим-хан обратился к правителю Дербента и Кубы Фатали-хану, чтобы «он его к себе ожидал, и город бы Дербент возвратил, и он бы совсем был в его протекции»¹¹⁸. Фатали-хан с готовностью отозвался на этот призыв, отправил к Керим-хану курьера с подарками и волеизъявлением, что город Дербент без всякого уступает, да и сам он ему во всем быть послушным желает¹¹⁹.

Эти планы Керим-хана Зенда (1758–1779), направленные на овладение важнейшими центрами Дагестана и Азербайджана, вызвали серьезное беспокойство в Петербурге. Для выяснения подлинности этих слухов из

¹¹⁷ Ульяницкий В.А. Русские консульства за границую... Ч. 1. – С. 451.

¹¹⁸ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Ед. хр. 546. Л. 81.

¹¹⁹ Там же. Л. 82.

Кизляра в Кубу был отправлен майор М.Б. Ваганов с заданием выяснить, нет ли у Керим-хана намерения «нынешняго лета быть на Кубу, Дербент, Тарки, с какою силою и с какими точно орудиями... не имеет ли какого намерения к здешним границам»¹²⁰. Озабоченность Петербурга была вызвана тем, что с начала 60-х гг. участились похождения турецких эмиссаров в Закавказье и Дагестан¹²¹. Пользуясь ослаблением Ирана, Порты стремилась захватить не только прикаспийские области Кавказа, но и засулакскую часть Кумыкии, находившуюся под покровительством России¹²².

Однако иранский вопрос отошел на второй план перед более важной проблемой – отношениями России с Турцией и Крымом. С весны 1763 г., когда была заложена крепость Моздок, русско-турецкие и русско-крымские отношения приняли сложный и напряженный характер. Возведение Моздока на пастбищных землях кабардинских князей в непосредственной близости от их родовых замков и массовое бегство крестившихся холопов в Моздок, где они освобождались от крепостной зависимости, получая права наравне с казаками, вызвало недовольство со стороны кабардинской знати, увидевшей в этом угрозу своим экономическим и политическим привилегиям¹²³. Хотя большинство кабардинских князей по-прежнему продолжали ориентироваться на Россию, среди части из них началось сильное брожение. Требуя прекращения строительства Моздока и возвращения беглых холопов, они стали угрожать переселением из Кабарды и переходом в осmano-крымское подданство¹²⁴.

¹²⁰ Там же. Ед. хр. 549. Л. 37.

¹²¹ *Абдуллаев Г.Б.* Азербайджан в XVIII в. и его взаимоотношения с Россией. – Баку, 1965. – С. 497.

¹²² *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджирский договор... С. 47.

¹²³ АВПРИ. Ф. 89. Оп.89/1, 1763. Д. 33. Л. 68.

¹²⁴ Кабардино-русские отношения... Т. 2. С. 226–228.

Такой поворот событий вполне отвечал замыслам Турции и Крыма. Подтверждением тому служит письмо хана Керим-Гирея кабардинским князьям с заверением в том, что если они «имеют притеснение» из-за строительства Моздока, то он «до того не допустит силою»¹²⁵. Вплетая новые узлы в назревающий конфликт, он пытался усложнить кабардинский вопрос, связав его с проблемой коммуникаций между Крымом и Дагестаном, организацией «набегов лезгин на Грузию», требуя прекращения строительства Моздока. Поддерживая своего вассала, Порта требовала от русского двора приостановить строительство крепости, а заложенную основу уничтожить¹²⁶.

Попытки Турции и Крыма вмешаться в моздокские и дагестанские дела вызвали ответные действия со стороны России. Резидентам в Стамбуле Обрескову и в Бахчисарае Никифорову предлагалось отразить их претензии как необоснованные и противоречащие Белградскому договору 1739 г. В таком же духе вице-канцлер А.М. Голицын и Екатерина II ответили кабардинским князьям. Со ссылкой на Белградский трактат отвергалось их требование о срытии Моздока и возвращении беглых холопов¹²⁷.

Разумеется, такой ответ не мог удовлетворить и привести к смирению кабардинских князей. В предчувствие грозы правительство предприняло действенные меры для укрепления передовых форпостов – Кизляра и Моздока. В октябре 1764 г. для усиления Моздока было решено отправить из Астрахани 3 эскадрона, а в случае угрозы со стороны Кубани – перебросить туда 1000 казаков из Кизляра¹²⁸. В 1765 г. из переселившихся в Моздок осетин и ингушей была сформирована Горская команда из 214 человек. Тогда же Моздок получил постоянное войско с 40 пушками, усиленное через год одной

¹²⁵ АВПРИ. Ф. 90: Константинопольская миссия, 1763. Оп. 90. Л. 505.

¹²⁶ Там же. Ф. 89, 1763. Оп. 89/8. Д. 336. Л. 91, 104 об.

¹²⁷ Кабардино-русские отношения... Т. 2. С. 238.

¹²⁸ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 743. Ч. 2. Л. 32 об., 131 об.

драгунской ротой и 1000 калмыков. Так завершилось создание Кизлярско-Моздокской пограничной линии, сомкнувшей границу России с территориальным положением горцев Северного Кавказа ¹²⁹.

Наряду с Моздоком, значительное внимание уделялось укреплению Кизляра. 10 апреля 1765 г. императрица издала указ – отправить в Кизляр 500 волжских казаков «с их старшинами немедленно» ¹³⁰. Распоряжением Военной коллегии 18 июня было решено отправить вдобавок к ним 200 донских казаков ¹³¹. Если прежние 500 казаков из Дубовки еще не отправлены в Кизляр, гласил новый указ императрицы, то немедленно «через двадцать четыре часа по получении онаго исполнение учинить» ¹³².

Эта активность русского правительства была вызвана сведениями, поступившими из Кизляра и Астрахани. В июне 1765 г. до 4000 крымцев и кубанцев под предводительством Мурзы Арслан-бека Сокур Гаджи внезапно напали на станицы гребенских казаков, дошли до Кизляра, осаждая окрестности, но были отброшены с большими потерями. В качестве ответной меры с российской стороны на пространство в 100 верст от Моздока до станицы Червленной было заселено 517 семей из Волжского казачьего войска. Опасаясь новых нападений на Кизляр и Моздок, императрица повелела, «не теряя времени», отправить в Моздок 1000 казаков и держать наготове в Астрахани для отправки в Кизляр один калмыцкий улус ¹³³.

Принятые меры оказались своевременными, но недостаточными.

¹²⁹ Бутков П.Г. Материалы... Ч. 2. С. 1, 4, 6; Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.). – Орджоникидзе, 1970. – С. 182.

¹³⁰ АВПРИ. Ф. 118: Кизлярские и моздокские дела, 1762–1772. Оп. 118. Д. 1. Л. 102, 147, 157.

¹³¹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 743. Ч. 1. Л. 36.

¹³² Там же. Л. 58.

¹³³ Там же. Л. 90.

Брожение среди кабардинских князей не прекращалось. В июне 1767 г., когда побуждаемые крымским ханом кабардинские князья решили переселиться из Баксана в верховья Кумы, около 10 000 их холопов и узденей отказались следовать за ними и остались на реке Черек, напротив урочища Бештамак, откуда обратились в Кизляр «для испрошения от России подкрепления»¹³⁴.

Неоднократные угрозы князей учинить над ними расправу не возымели успеха. На требование князей перейти на новые места холопы ответили, что в случае насилия с их стороны, они будут искать защиты у русской императрицы; если же князья отдадутся под покровительство Крыма, то они «по прежде положенной присяге передадутся России»¹³⁵. В создавшейся ситуации российское правительство приняло верное решение – обнадежить холопов и узденей своей поддержкой, чтобы «владельцам возыметь причину притти после в раскаяние и успокоение»¹³⁶.

Стремление России ускорить решение кабардинского конфликта было вызвано тем, что Турция резко изменила свою политику, ускорив подготовку к войне. Надвигавшаяся война усилила пророссийскую ориентацию северокавказских владетелей.

¹³⁴ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Ед. хр. 638. Л. 17 об.

¹³⁵ *Скитский Б.В.* «Холопий вопрос»... С.1 5.

¹³⁶ *Скитский Б.В.* «Холопий вопрос»... С. 16, 32; *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе... С. 90.

М.Б.МАГОМЕДОВ НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНДАМЕНТАЛИСТИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ НАКШБАНДИЙСКОГО ТАРИКАТА НА ТЕРРИТОРИИ ИМАМАТА

Предпосылкой и фактором формирования политико-правовой системы Имамата, как государства демократического типа, является наличие гражданского общества, характеризует значимость всю совокупность разнообразных форм социальной активности населения. Понятие «гражданское общество» в условиях Имамата – это состояние общественных связей и отношений, что является качественным показателем гражданской самодеятельности горцев, как основным критерием разделения функций государства и общества в социальной сфере.

Опыт первых лет борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50-х годов XIX века показал ее руководителям необходимость искоренения адатов из общественной жизни горцев как препятствующих в их антифеодальной и антиколониальной борьбе и консолидации освободительных сил, как не соответствующих раскрепощению и охране прав и интересов личности.

На смену правовых основ взаимоотношений – адатам предводители борьбы вводили в обиход горцев новые нормы шариата, которые, по мнению руководителей, должны были лечь в основе реализации гражданского общества. Надо полагать, что руководители Имамата настаивали не просто на внешнем их применении, а на искреннем следовании нормам высшего человеческого поведения и в решении дел по истинному шариату. Успехи Шамиля на военной и государственно-правовой ниве объясняются настойчивостью, с которой он распространял шариат и утверждал его среди горцев на прочных основаниях. Так, например, по мнению Нейгардта, человека, которого вряд ли можно подозревать в симпатии к горцам, мы узнаем, что в процессе размежевания, а именно «со времени разделения Чечни на участки, Шамилем введено там правильное законодательство. Адат, как обычай, потворствующий слабостию своих

постановлений страстям полудикого народа, уничтожен; вместо него введен шариат; и для разбирательства дел по шариату при каждом наибе находится ныне постоянно по одному кадию; в настоящее время в Чечне убийства, воровство, насилие и другого рода преступления сильно преследуются, и Шамилем приняты самые строгие меры к искоренению из нравов чеченцев зверского обычая кровомщения»[1].

Внедрение правовых основ шариата было первой целью сторонников имама, к утверждению которого среди горцев Шамиль относился с гражданских позиций творчески. Преследуя с такой настойчивостью адат, он осознавал, что в учении шариата заключается также много всякого рода противоречий, способных обратиться в источник зла, чуть ли не сильнее в сравнении с тем, какое может породить адат. Дело в том, что почти каждое постановление шариата имеет свои собственные толкования, «несколько своих собственных дорог»[2]. Некоторые из этих постановлений, написанные более 1000 лет назад, не вполне соответствовали быту горцев и переживаемым ими историческим условиям. В процессе восстановления шариата Шамиль предполагал следующее обстоятельства, а именно, что шариат принадлежал к фундаменталистическому толкованию накшбандийского тариката, далее – в этом же Шамиль рассматривал противоположность и для искоренения адатов и, наконец, он иногда предопределял мусульманский образ жизни. Шариат, по мнению самого имама, имел свои пробелы и неясные или спорные выдержки, которые требовали правовые интерполяции, интерпретации и соответственно выбора между конфликтующими точками зрения.

Понимая все это, Шамиль ясно видел, что при механическом перенесении шариата на регулирование общественных отношений среди горцев эффективность его применения представляется очень сомнительной. С одной стороны, при сохранении нескольких толкований положений шариата, по части его правовых аспектов, мусульманское духовенство будет блуждать, не находя наиболее

верного. С другой, характер горцев давал право ожидать всяких злоупотреблений при малейшем послаблении закона, при намеке на самоуправство или насилие, а такие тенденции в шариате встречаются нередко. Правовой характер гражданского общества, его соответствие высшим требованиям справедливости и свободы является первой важнейшей качественной характеристикой такого общества. Эта особенность гражданского общества воплощается в нормативных требованиях, заложенных в содержании категорий справедливости и свободы. Свобода и справедливость представляют собой в условиях гражданского общества социальный фактор, нормирующий деятельность горцев, которые как члены гражданского общества, обретают свободу в результате своей способности подчиняться нормативным требованиям свободы как познанной необходимости. С учетом всего этого Шамиль дополнил и изменил некоторые положения шариата, сообразно действительных, как ему казалось, потребностей страны и имам ставил вопрос о более глубоком толковании норм и правовых основ шариата, применительно к ситуации Имамата.

Все, что таким образом было составлено, в горах называли «низамом», применяя этот термин к реформам Шамиля по всем отраслям управления. Поэтому низамы «регламентировали всю административную, военную и быденную жизнь горцев»[3]. Сам Шамиль утверждал, что низам – это собрание различных правительственных мер, касающихся только безопасности страны, благополучия народонаселения и усиления средств к сопротивлению внутренним и внешним врагам. Эти правила не имеют ничего общего с шариатом, которому они служат лишь дополнением. Однако в состав низамов вошли еще и другие правительственные меры, касающиеся не только судебной части и общественной жизни горцев, но и их домашнего быта, а потому стоит только вникнуть в смысл этих закономерностей, чтобы удостовериться, против каких именно положений шариата они направлены.

Исследуя сущность низамов, как основ законодательства, следует отметить их антиэксплуатационный характер и социальный аспект, а в последнем вырисовывается и иерархия. Реальная свобода горцев становится возможной в обществе подлинной демократии, где не государство, политическая власть господствует над обществом и его членами, а общество имеет безусловное первенство по отношению к государству. Гражданское общество употребляется как в широком, так и в узком значениях. В широком смысле гражданское общество включает всю непосредственно не охватываемую государством, его структурами часть общества, т.е. то, до чего «не доходят руки» государства. В условиях Имамата характерным принципом всей государственно-правовой политики Шамиля являлась гласность. В своей деятельности он опирался на поддержку широких слоев населения и, поэтому его политика объективно не могла быть оторванной от интересов народа и скрытой от них. Шамиль не боялся разоблачения перед народом порочной практики управления им же назначенных наибов. Принцип гласности был характерен для процесса судопроизводства, введенного Шамилем.

Гражданское общество в условиях Имамата имеет сложную структуру, включает хозяйственные, экономические, семейно-родственные, этнические, религиозные и правовые отношения, мораль и т.д. В гражданском обществе в отличие от государственных структур преобладают не вертикальные (подчиненности), а горизонтальные связи – отношения конкуренции и солидарности между юридически свободными и равноправными партнерами. Судебное производство исполняли при всем народе. Тут же приводились в исполнение решения и приговоры суда. Гласность в судопроизводстве исключала волокитство дел в судах и вносила большой воспитательный заряд в правовое воспитание населения.

Военная, административная и духовная власть главы Имамата была ограничена главным советом и съездом наибов и алимов, которые не всегда

беспрекословно и целиком соглашались с указаниями имама. Если можно назвать Имамат монархией, то эта монархия была чрезвычайно своеобразна, где основные политические вопросы решались съездом, а законодательство и управление – Диван-Ханом. Общее развитие правовой системы Имамата усматривается из перечня законопроектов и других вопросов, обсуждавшихся и утвержденных на съезде народных правителей в 1847 году в Андии, где, в частности, отмечено: «... 6. Чтобы нам (Подданным Имамата. – Автор.) не выходить из пути людей добродетельных; 7. Чтобы оставить взаимную зависть, притеснения, и быть рукою (помощью) один другого; 8. Чтобы второй не повторил того, что сделал первый и чтобы приемник был с предшественником в тех же отношениях, в коих был до смены его; 9. Чтобы взвешивать все, дабы еще более не сбиться с прежнего пути как в сей, так и в будущей жизни»[4].

В своих низамах Шамиль старался претворить на практике провозглашенный им лозунг равенства всех членов общества перед Аллахом и законом. Низамы наделили членов общества равными правами и возложили на них одинаковые обязанности.

Важнейшей предпосылкой формирования гражданского общества являются ликвидация сословных привилегий и возрастание значения человеческой личности, человека. Политическим фундаментом гражданского общества служит правовое государство, которое обеспечивает права и свободы личности. Хотя все три имама (Гази-Магомед, Гамзат-Бек и Шамиль) ориентировались на социальные приоритеты на подвластной им территории, но отклонения определенного порядка появились и в правотворческой деятельности имама. Так, Шамиль при общей прогрессивной политике в отношении женщин, в судопроизводстве показания двух женщин – свидетельниц приравнивалось к одному мужскому. Хотя гражданское общество складывается из множественности межличностных отношений и социальных сил, которые объединяют составляющих данное общество мужчин и женщин без непосредственного вмешательства и помощи государства, род

потомков пророка Мухаммеда – корейшитов в Дагестане сохранил все свои привилегии, установленные шариатом в виде доли от военной добычи, хотя род этот в военных действиях участия не принимал. Неравное отношение закона к различным категориям населения продемонстрировал низам Шамиля «О наказанияхъ, коимъ подвернаются сотенные начальники, десятские и рядовые», принятый в 1847 году на съезде в Анди. В этом низаме определены различные наказания для наибов, низших начальников и рядовых за одни и те же проступки и преступления. Данный низам знает только три вида наказания: понижение в должности, арест до 21 дня и наказание ударами палок до 39 раз.

Перечисленные виды наказания могли применяться как в отдельности, так и вместе в соответствии с указаниями низама при определенных составах преступления. При определении видов наказания за различные преступления законодатель руководствовался принципами гуманизации наказания и эффективности его для перевоспитания преступника. Так, например, низамы не предусматривают наказание членовредительства по шариату за воровство и заменяет его арестом и штрафом в доход казны за каждую ночь ареста. Аресту и штрафу подвергались также за уклонение от воинской повинности и умышленное прикосновение к женщине. При определении наказания низамы предусматривали также характеристику личности преступника. При отрицательной характеристике и при совершении повторного воровства или в рецидиве, преступника казнили, а при положительной – другие виды наказания, а казнили только после совершения третьего воровства. Более того, при квалификации вида преступления учитывались такие признаки преступления, как повторность, соучастие и умысел. При отмене членовредительства и введении штрафа как вида наказания законодатель руководствуется намерениями сократить число калек в государстве и пополнить казну поступлениями от штрафов[5].

Низамы предусматривали при определении наказания и отягчающие обстоятельства. Например, за ослушание и неповиновение старшему по

положению в походе назначалась смертная казнь, а в мирных обстоятельствах – тюремное заключение или телесное наказание.

Наказания могли назначать наиб и его командиры сотен, за исключением назначения смертной казни, определение которой законодатель отводит исключительно за имамом, что и служило дополнительной гарантией справедливости наказания. Смертная казнь, кроме как неисправимым преступникам, назначалась еще и за совершение особо тяжких государственных преступлений: измены, шпионажа, прелюбодеяния и других. Смертная казнь в Имамате была предусмотрена двух видов:

1. «почетная» когда виновный становился на колени, молился, потом сам раскрывал рубашку и после молитвы наклонял голову, которую ударом секиры палач отсекал;

2. «постыдная», когда голова снималась на плахе[6].

Относительно смертной казни в Имамате Шамиль отмечал, что «хотя и привыкли горцы к зрелищу смерти, идя навстречу ей в сражениях или встречая ее каждый день неожиданным образом в своих беспрестанных ссорах, где иногда косою взгляд порождает смерть; но собственно казнь производит на них впечатление тяжелое, а вид отрубленной головы знакомого или незнакомого человека, воображение ожидания последней минуты, не оставляющей уже никаких надежд, и мысленное приближение этого состояния лично к себе, все это представляет единственное и самое верное средство для образумления горцев»[7].

Творческий подход Шамиля наблюдается в искоренении обычая кровной мести – настоящего «стихийного» бедствия в общественной жизни горцев, из-за которого веками продолжалась кровная вражда между родами, уносившая много жизней. Для искоренения обычая кровомщения, законодатель определил наказывать за оскорбление арестом и денежным штрафом вместо самосуда и убийства оскорбителя, в связи, с чем и вспыхивала кровная вражда. Законодатель уравнивает шансы всех категорий населения в защиту своей чести и достоинства.

С этой целью «...судебные власти предпринимали меры для розыска преступника»[8], совершившего убийство. Хотя адаты и предполагали, что «если до 40-ка дней родственники похищенной убьют похитителя, то убийство не преследуется...»[9], дополнительно к этому, низамы всячески старались регулировать это обстоятельство, хотя практика показывала обратное.

Положения низама о запрете кровомщения тому, кто, защищая свою семью или имущество, а также честь и достоинство, нанес увечье или смерть другому лицу, в качестве альтернативы определяли денежное возмещение родственникам убитого. В случае мести виновный подвергался преследованию государством и наказанию, а потерпевший получал защиту со стороны государства. Низам о запрете кровомщения ставил вне закона практиковавшиеся до этого случаи самосуда среди горцев в конфликтных ситуациях, что становилось причиной возникновения кровной вражды между родами.

За менее опасные преступления и проступки также подвергали наказаниям. Шамиль впоследствии признавался, что за многие преступления он применил бы ссылку, но в условиях Имамата некуда было ссылать.

Убийцы, грабители и другие, общественно опасные лица всенародно подвергались смертной казни.

Издав низамы, Шамиль наказал населению неукоснительно следовать им: «Я долженъ привести этотъ низамъ въ исполненіе безъ всякаго послабленія и лени, – и нетъ по сему низаму пощады, заступничества и состраданія для техъ, кои впадутъ въ пучину этихъ наказаній»[10]. «Мы согласны, – ответили наибы, по ССКГ, – во всеъ и все написанное обязываемся приводить въ исполненіе... Да поможет намъ аллахъ привести въ действіе шаріат и предписанія...»[11].

Многих современников событий на Кавказе восхищала та ревностная последовательность и решительность, с которой Шамиль боролся за искоренение преступности в горах.

По свидетельству официальных источников, после 1859 г. в каждом селении Дагестана были избраны лица, в обязанности которых входил «...разбор дел по адату, и от шамилевского шариата оставалось только одно воспоминание в названии во времени его власти временем шариата, для отличия от прежнего времени, называемого временем адата»[12].

Несмотря на то, что сам Шамиль порой допускал некоторые отклонения от шариата для облегчения народу исполнения его постановлений и стремился к уничтожению суда по адатам, который жестоко, в основном смертью наказывал провинившихся, однако конечной цели он не достиг. И все же кратковременное «...господство достаточно было шариату для того, чтобы существенно повлиять на юридические воззрения дагестанских горцев»[13].

Таким образом, главная цель в формировании и реализации основ гражданского общества в Имамате заключается в удовлетворении материальных и духовных потребностей горцев, в создании условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека на основе шариата продиктованных условиями войны. Имамат в этом случае неизбежно приобретает характер социального государства, основанный на экономической организации гражданского общества. Структурный элемент – это его социальная организация, как важное направление социальной политики. И, наконец, элемент гражданского общества Имамата – его общественно-политическая организация, направленная на удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей горцев.

Примечания:

[1] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX века: Сборник документов / Сост. В.Г.Гаджиев, Х.Х.Рамазанов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. – С. 403. (Далее. – ДГСВК.); Документальная история образования многонационального государства Российского: Россия и Северный

Кавказ в XVI-XIX веках: В 4 кн. – Кн.1. / Под ред. Г.Л.Бондаревского, Г.Н.Колбая. – М., 1998. – С. 585-586. (Далее. – Документальная история).

[2] ВС. – Т. XIV. – С. 331.

[3] Шарафутдинов Р.Ш. Еще один низам Шамиля. Письменные памятники Востока // Ежегодник. – 1975. – С. 170.

[4] ССКГ. – Вып. III. – Тифлиς, 1870. – С. 15.

[5] См.: ДГСВК. – С. 404-405; ССКГ. – Т. III.-Тифлиς. 1870. – С. 12-13; Документальная история. – С. 587-588.

[6] См.: ЦГВИА. – Ф.ВУА. – Д. 6512. – Л. 3-74; Хашаев Х.М. Указ. работа. – С. 52.

[7] АКАК. – Т. XII. – С. 1405.

[8] См.: Галицын Г.С. Адаты Дагестанской области и Закавказского округа. Судостроительство и судопроизводство. – Тифлиς, 1899. – С. 600.

[9] Руновский А. Записки о Шамиле. – М., 1989. – С. 16.

[10] ССКГ. – Вып. III. – Тифлиς, 1870. – С. 13.

[11] Там же. – С. 14.

[12] ССКГ. – Вып. I. – Тифлиς, 1868. – С. 7.

[13] Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. – Т. 1. – М., 1890. – С. 234.

[57] ДГСВК. – С.30; Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. – Вып.II. – Тифлиς, 1869. – С.7.

[58] АКАК. – Т.VI. – Ч.2. – С.541.

[59] Мансуров Ш.М. Салатавия. – Махачкала, 1995. – С.134.

[60] Устройство подземельного быта горских племен Северного Кавказа // ССКГ. – Вып.II. – Тифлиς, 1869. – С.7.

[61] Магомедов Ш.М. Зарождение социал-демократических групп в Дагестане в период первой русской революции. – Махачкала, 1957.-С.8.

[62] АКАК. – Т.VI. – Ч.2. – С.57.

- [63] Там же. – С.59.
- [64] О движении горцев под руководством Шамиля: Материалы сессии Даг. ФАН СССР. – Махачкала, 1957. – С.141. (Далее. – Материалы сессии.).
- [65] Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат. – М., 1953. – С.52.
- [66] АКАК. – Т.VI. – Ч.2. – С.71.
- [67] ЦГА РД. – Ф.3. – Оп.1. – Д.33. – Л.33.
- [68] См.: МИДЧ. – С.190.
- [69] ЦГА РД. – Ф.3. – Оп.1. – Д.23. – Л.6.
- [70] Материалы сессии. – С.137.
- [71] Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. – М., 1960. – С.303.
- [72] Ермолов А.П. Записки. – Т.2. – М., 1868. – С.21.
- [73] См.: АКАК. – Т.VII. – Ч.1. – С.509.
- [74] ДГСВК. – С.424-425.
- [75] Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. – М., 1963. – С.32.
- [76] Добролюбов Н.А. О значении наших последних подвигов на Кавказе // Собр. соч. – Т.4. – М., 1937. – С.143-144.
- [77] Покровский М.Н. Дипломатия и война в XIX столетии. – М., 1923. – С.123.
- [78] Романовский П. Кавказ и Кавказская война. – СПб., 1860. – С.38.
- [79] См.: Анфимов А.М. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма.-Ростов-на-Дону, 1990.-С.10.

МАГОМЕДОВ М.Б. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ БОРЬБЫ ГОРЦЕВ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА 20-50 ГОДОВ XIX ВЕКА.

После присоединения Грузии и Закавказских ханств в 1801-1813 годах покорение предгорных районов Кавказа стало для Российской империи одной из важнейших военно-политических задач. Отмечая стратегическое значение этого региона для Российской империи, К.Маркс писал: «Кавказские горы отделяют южную Россию от роскошных провинций Грузии, Мингрелии и Гурии... этим ноги гигантской империи отрезаны от туловища»[1]. Поэтому, как отмечает Р.М.Магомедов, «...проблемой стали надежные пути...»[2] в Закавказье. Однако русско-иранская (1804-1813), русско-турецкая (1806-1812) войны, где военные действия Ирана и Турции должны были стать одним из звеньев общего наступления на южные границы Российской империи, а также война с наполеоновской Францией (1812-1813) отвлекли имперское самодержавие от активной завоевательной политики на Северном Кавказе. Восстания 1803-1812 годов в Кабарде, Балкарии, Осетии и в горных районах Грузии, вызванные сооружением новых крепостей и укрепленной линии по Военно-Грузинской дороге, свидетельствовали, насколько непрочно позиции Российской империи в регионе. Поэтому, как только в Закавказье был обеспечен мир и закончена война с наполеоновской Францией, Российская империя приступила к завоеванию предгорных и горных районов Северного Кавказа.

Важной военно-политической задачей Российской империи являлось закрепление успехов на Кавказе, достигнутых ею в русско-иранской (1804-1813) и русско-турецкой (1806-1819) войнах. Мир с Ираном и Турцией был непрочным, необходимо было обеспечить прочный тыл для защиты от посягательств Ирана и Турции в отношении Закавказья.

Русско-иранская (1826-1828) и русско-турецкая (1828-1829) войны подтвердили опасения Российской империи, и задача прочного закрепления ее позиций на Кавказе, окончательного превращения этого региона в составную часть империи стала первостепенной. Обстановка в Кавказском крае постепенно стабилизировалась. При этом международная напряженность и сложность

взаимоотношений с местным населением, представляющим собой различные национальности, вынуждали проводить осторожную политику. Процесс внутреннего административного устройства края затянулся.

После Гюлистанского мирного договора (1813) с Ираном, юридически оформившего вхождение Дагестана в состав Российской империи, захватнические интересы самодержавия в этом регионе приобрели открыто экспансионистский характер, особенно после назначения в 1816 году генерала А.П.Ермолова, активного сторонника решительных мер по «усмирению горцев», главнокомандующим на Кавказе.

Результатом активизации завоевательной политики Российской империи стало закрепление успехов на Кавказе, достигнутых в русско-иранской (1804-1813), русско-турецкой (1806-1819), русско-иранской (1826-1828) и русско-турецкой (1828-1829) войнах, а также закрепление результатов достигнутых в результате Гюлистанского (1813), Туркманчайского (1828) и Адрианопольского (1829) договоров, которые были заключены без представителей Дагестана, за спиной его феодальных владетелей и вольных обществ.

Эти дипломатические акты в международном плане закрепили земли Дагестана за Российской империей[3]. Это следует понимать как результат принятия Российского подданства Дагестаном в целом, хотя эти договоры носили односторонний характер. Тем не менее, вопрос принятия Российского подданства отдельными феодальными владетелями и обществами, так же как и принятие подданства Турции и Ирана – явление достаточно частое в кавказской политической жизни. Это обстоятельство довольно-таки «часто использовалось различными учеными и политиками в обоснование добровольных вхождений народов Кавказа в состав России»[4]. Стремление Российской империи установить свою власть на Кавказе встретило вооруженное сопротивление горцев, которое из отдельных стычек превратилось в Кавказскую войну, охватившую горные районы Северо-Восточного Кавказа.

Если до появления А.П.Ермолова для Кавказа были характерны оборонительные действия, то «с назначением в 1816 году на Кавказ Ермолова, – отмечал С.Эсадзе, – начинаются уже систематические действия против... горцев»[5]. Оценивая результаты политики Ермолова по отношению к горцам, С.Эсадзе писал, что «...выдвигая вперед укрепления, прорубая просеки, прокладывая дороги, отделяя покорных горцев от враждебных и нанося последним беспощадные удары, Ермолов в течение десятилетнего периода своего командования упрочил власть в Кабарде и на Кумыкской плоскости, покорил большую часть Чечни и Дагестана»[6]. Именно такие энергичные меры Ермолова, по утверждению Служивого (Дубенского Д.Н.), «вызвали в Чечне и Дагестане восстания»[7]. Находясь на путях, соединяющих страны Передней Азии со странами Северо-Востока и Поволжья, Дагестан на протяжении сотен лет стал ареной борьбы между могущественными державами.

Перенесение в 1817 году укрепленной линии с Терека на Сунжу и строительство крепостей Грозная, Внезапная и Бурная вызвали протест со стороны местного населения. По мнению Ермолова, это должно было обеспечить подчинение Российской империи чеченских аулов. От чеченцев Ермолов потребовал расселения на плоскости под надзор военных укреплений, прекращения нападений, уплаты податей, а также выполнения разных работ.

Для обеспечения военных операций против чеченских аулов, оказывавших сопротивление, войска Российской империи рубили лес по реке Сунже и прокладывали широкие лесные просеки. Чеченцы обратились за помощью к правителю Аварии Султан-Ахмед-хану. Он отправил к чеченцам отряд горцев во главе с Нурмагомедом. Объединенный отряд чеченцев и аварцев атаковали лагерь имперских войск у крепости Грозной, но были разбиты[8].

Как и следовало ожидать, меры по укреплению, а тем более по переносу Кавказской военной линии к подножию Кавказского хребта и попытки непосредственного подчинения горских обществ и правителей с первых же шагов

вызвали сопротивление, особенно со стороны феодальной и общинно-родовой верхушки, а активные военные действия имперских войск в Чечне не могли не вызвать недовольства у феодальных правителей Дагестана, которые усматривали в этом угрозу своему суверенитету. Феодальные владетели сочли, что перенос Кавказской линии может отразиться на их ничем не ограниченных правах по эксплуатации своих народов и частично лишить их доходов от торговли, именно это обстоятельство и послужило причиной их консолидации. Так, аварский хан Султан-Ахмед-хан, его брат Гебек-хан Мехтулинский и Адиль-хан Каракайтагский заключили соглашение о совместных действиях против имперских войск. Чтобы предотвратить сплочение феодальных правителей Дагестана, в ноябре 1818 года Ермолов совершил поход в Мехтулинское ханство, нанес поражение у аула Дженгутай аварскому хану и его брату Гебек-хану. Одновременно другой отряд имперских войск под командованием генерал-майора Пестеля, действуя со стороны Дербента, захватил резиденцию Адиль-хана Башлы и подверг ее опустошительному разорению[9]. Ермолов опередил своих противников, внезапными действиями временно отвел опасность со стороны феодальных правителей Дагестана и жестокими мерами старался запугать дагестанских владетелей, вынудить их к покорности.

Другая методика смирения «непослушных» феодалов Ермолова заключалась в том, что он ссоря их между собой, напускал их на вольные общества. Следует отметить, что Ермолов умело ослаблял силы врагов и при этом не жертвуя своими.

В 1819 году все феодальные правители Дагестана, за исключением шамхала Тарковского, заключили между собой союз для совместных действий против Ермолова[10]. В августе 1819 года горцы во главе с Султан-Ахмед-ханом выступили против строящейся недалеко от Эндирей-аула крепости Внезапной. Разъясняя действия аварского хана, Ермолов сообщил князю Волконскому, что он, «...собрав своих подвластных и возмутив многие горские народы, пригласив также

к содействию чеченцев, готовится ... напасть на отряд при сел. Андреевом, лично мною командуемый... К сему присовокупить надлежит, что большая часть самого города (Эндирей-аула. – Авторы.) и почти все деревни, Андреевским владениям принадлежащие, соединяются с аварским ханом»[11]. Однако в сражении с отрядом Ермолова у селения Бавтугай горцы потерпели поражение, и Султан-Ахмед-хан с остатками своих ополченцев вынужден был отступить в горы.

Поражение под Бавтугаем привело к распаду союза дагестанских правителей. Султан-Ахмед-хан был низложен с престола, а управление ханством передано Сурхай-хану[12].

В то же время отряд имперских войск под командованием генерала Мадатова, который действовал в Южном Дагестане, вынудил табасаранских правителей покориться и сломил сопротивление Адиль-хана Каракайтагского. Резиденция Адиль-хана Башлы, жители которого успели восстановить многие строения, вновь была разрушена до основания, а Адиль-хан лишен уцмийства, владения его были переданы верноподданному самодержавия Аслан-хану Кюринскому[13].

На Кавказе Ермолов показал себя хорошим администратором и дальновидным государственным деятелем. Он не только возводил военные крепости, но и прокладывал дороги, строил больницы при местных минеральных водах, поощрял развитие торговли и промышленности. Все это способствовало общему благосостоянию края. Его особую заботу составляли русские войска, условия их размещения и быта. В военной подготовке он избегал парадомании и ненужной муштры, требовал должного внимания и уважения к рядовым солдатам. Некоторых недоброжелателей наместника удивляло его покровительственное отношение к ссыльным декабристам. Вместе с тем Ермолов допускал порой излишнюю жестокость по отношению к местному населению. Генералы официальных властей жестоко обходились с непокорными. В 1818 году Ермолов приказал «истребить» ряд селений на плоскости, жители которых выступали

против имперских властей и местных феодалов[14]. В 1819 году по указанию Ермолова с лица земли были стерты два Дженгутайских аула и селение Янги-Юрт. То же самое повторилось в 1820 году при подавлении восстания акушинцев[15]. В 1823 году до основания были разрушены «мятежные» селения Каранай и Эрпели, с тем чтобы, как выразился Ермолов, «не последовали примеру друзей»[16].

Добившись определенных успехов в плоскостной и предгорной частях Дагестана, Ермолов перенес военные действия в Чечню, где также жестоко обходился с непокорными. Так, селение Дадан-Юрт было полностью уничтожено, а жители близ расположенных аулов, опасаясь расправы, покинули обжитые места и ушли в более труднодоступные для имперских войск места[17].

«Примерно наказав» и усмирив чеченцев, Ермолов вновь перенес военные действия в Дагестан. В конце 1819 года, сосредоточив войска на территории шамхальства Тарковского, он двинулся через Мехтулинское ханство против взбунтовавшихся акушинцев, «которые, – по его словам, – были виною всех беспокойств»[18]. Для усмирения акушинцев Ермолов, под прикрытием удержания Кубинской провинции, сделал запрос на дополнительные силы из числа «...3-х полков пехоты и 2-х рот легкой артиллерии...»[19]. Видя явное увеличение войск официальных властей, на помощь акушинцам прибыл отряд казикумухцев во главе с сыном Сурхай-хана Казикумухского, а также койсубулинцы и жители других вольных обществ. Здесь же находился опальный Адиль-хан Каракайтагский[20]. Однако в сражениях под аулами Урма и Леваши горцы потерпели поражение. Акушинцы принудительно были приведены к присяге на верноподданство Российскому государству и обложены данью в 2 тысячи баранов в год. Виновник «возмущения» акушинцев Магомед-Кади был смещен с должности, а его место занял Зухум-Кади[21].

Ермолов использовал изощренные методы покорения горцев. Он оставлял за ними выбор – покорность или «ужасное истребление»[22]. По утверждению С.Эсадзе, «...одна из главнейших причин, заставившая соединиться всех

мусульман в общую организацию, была система, принятая Ермоловым по отношению к мусульманским провинциям...»[23].

В ходе насильственного покорения предгорных и горных районов Ермолов опирался на поддержку отдельных дагестанских правителей, которые перешли на сторону завоевателей и верно служили Российской империи. Так, в 1820 году генерал Мадатов при активном содействии отрядов милиции Аслан-хана Кюринского начал военные действия против Сурхай-хана Казикумухского. 12 июня 1820 года в сражении под селением Чираг Сурхай-хан потерпел поражение. Генерал Мадатов и Аслан-хан Кюринский заняли резиденцию Сурхай-хана – аул Кумух, а Сурхай-хан был вынужден бежать в Согратль. Правление Казикумухским ханством было передано Аслан-хану[24].

Таким образом, Российская империя в лице Ермолова и его помощников осуществляла в Дагестане и Чечне политику насильственного насаждения колониального режима и значительно продвинулась в осуществлении этой цели. По мнению Романовского, политика Ермолова и есть «начало систематической войны против горцев»[25]. В ходе военных кампаний 1816-1820 годов войскам официальных властей удалось покорить плоскостные, предгорные и некоторые горные районы Дагестана. С 1821 по 1824 годы в отдельных районах, подвластных администрации Российской империи, произошли волнения, подавление которых осуществлялось посредством карательных экспедиций. С 1824 года начался новый период «усмирения» непокорных, когда основные действия развернулись в Чечне и плоскостной части Дагестана. Согласно рескрипту Александра I Ермолову мы узнаем, что первый без особого удовлетворения примененными им к горцам репрессивными мерами, все же одобряет действия Ермолова и выражает ему «...полную благодарность...»[26].

Не выдерживают критики утверждения М.М.Блиева о том, что якобы «в районах локализации... население почти не знало проявления царского колониализма»[27]. Более того, следует отметить, что Кавказ всегда играл

заметную роль в завоевательных планах официальных властей и стремление любыми способами установить владычество Российской империи на Кавказе встречало протест со стороны горцев, выразившийся в различных формах. В 1824 году после неоднократных карательных экспедиций имперских войск в земли чеченцев, из которых особенно жестоким по своим последствиям был поход генерала Громова 1822 года, в восточной части Чечни началось восстание во главе с узденем Бейбулатом Таймазовым. Волнения из Чечни, по свидетельству Н.А.Волконского, перекинулись на «часть кумыкских владений,... ингушские владения и, наконец, Кабарду»[28].

Колониальная политика Российской империи на Кавказе сопровождалась усилением феодального гнета трудящихся горцев и приобрела новые, более жесткие формы, чем те, которые были известны кавказским народам в предыдущем столетии. Политика Российской империи вызывала у горцев глубочайший протест, побуждая их к новым действиям и агрессии.

Восстание ширилось, набирало силу. Так, в 1825 году отряд Бейбулата захватил укрепление Амир-Аджи-Юрт. Затем повстанцы направились к укреплению Герзель-аул и блокировали его. По свидетельству Н.А.Волконского, восстание «закралось даже к кумыкам». Численность повстанцев в отрядах Бейбулата Таймазова достигла 4 т ысяч человек. Волнения начались и среди ингушей, что влекло за собой угрозу укреплениям в Назрановском обществе[29]. Тот же Н.А.Волконский сообщал, что при появлении Бейбулата на Сунже «к нему стали примыкать даже осетины. Приходилось опасаться за надтеречных чеченцев, восстание которых было бы для нас крайне невыгодным, что сообщения наши с Терекком весьма бы затруднились. В Кабарде также было что-то смутно»[30].

Против Бейбулата был направлен крупный отряд имперских войск под командованием генералов Грекова и Лисаневича. Превосходство карателей в вооружении вынудило восставших снять блокаду Герзель-аула и отступить в горы. Генералы Российской империи жестоко обошлись с теми, кто поддерживал

восставших и их руководителя Бейбулата. Генерал Лисаневич собрал 316 «лучших людей» селения Аксай, обезоружил многих из них[31]. В результате возникшего инцидента из-за грубого обращения имперских генералов многие «лучшие» аксаевцы были перебиты, и лишь «немногие, – как писал Ермолов, – спаслись бегством»[32]. «Между тем, – вынужден был признать Ермолов, – погибли люди совершенно невинные... В числе их были некоторые из жителей города Андрея»[33]. Жестокая расправа имперских генералов взволновала жителей кумыкской плоскости, многие из них покидали свои дома, уходили в недоступные для карателей места. В результате некоторые населенные пункты, в том числе Аксай, оказались почти безлюдными.

Не все жители сел кумыкской плоскости оставляли свои селения, некоторые, напротив, проявляли мужество и стойкость. Так, жители Эндрей-аула, готовясь к сопротивлению, обратились за помощью к чиркеевцам и койсубулинцам[34]. По свидетельству Ермолова, «в Эндрей-ауле неблагонамеренные люди готовы были произвести возмущение и, соединяясь с соседними горцами, пристать к Бейбулату. И только приближение войск к городу (с.Эндрей. – Авторы.) прекратило смятение..., а главнейшие из возмутителей бежали в горы»[35].

Жестокости, которыми сопровождалась карательные экспедиции имперских войск, порождали протест со стороны населения. За поддержку, оказанную кумыками Бейбулату во время его действий в Герзель-ауле, селение Аксай по приказу Ермолова было уничтожено, а оставшиеся в живых жители переселены на новое место под названием Таш-Кичу, где было заложено новое укрепление для наблюдения за жителями близрасположенных кумыкских и чеченских сел[36].

Повстанческое движение в Чечне ширилось, находило поддержку не только у чеченцев, но и у других горских народов Северо-Восточного Кавказа. По сообщению П.И.Ковалевского, отряды Бейбулата действовали под Грозной, где «к нему пришли на помощь лезгины, аварцы, даже ингуши и часть Кабарды»[37].

Далее П.И.Ковалевский пишет: «Усмирив кумыков и устроив прочно русские укрепления, Ермолов решил проучить Чечню»[38].

В 1826 году с этой целью в Чечню была предпринята карательная экспедиция, в ходе которой были разорены и уничтожены многие чеченские села. В результате этой экспедиции жители Чечни, за исключением живущих по Мичику, были приведены к покорности[39], а также Ермоловым были приведены к присяге на верность Российской империи некоторые дагестанские общества[40].

Другой немаловажной причиной созревания условий для антифеодальной и антиколониальной борьбы горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX века было ущемление представителями официальных властей религиозных чувств и убеждений горцев-мусульман. Ислам стал для жителей Дагестана и Чечни неотъемлемой частью их духовной жизни, и малейшее ущемление религиозных убеждений воспринималось ими как величайшее оскорбление.

Имперские колонизаторы ставили перед собою цель: добиться не просто покорения Дагестана и Чечни, но и полного искоренения мусульманской религии и христианизации горцев[41]. Правоверным чинили всяческие препятствия в исполнении религиозных обрядов, особенно в совершении хаджа и т.д. В предписании генерала Вельяминова мусульманам Кавказа перечислялись меры по предотвращению поездок на поклонение в Мекку. В документах того времени есть сведения о том, что «мусульмане в течение... 1822 года не ходили на поклонение в Мекку, под опасением за неисполнение сего (Имеется в виду предписание ген. Вельяминова. – Авторы.) конфискации в казну всего принадлежащего им имущества и отсылки самих семейств в Россию»[42].

Такого рода предписания официальных властей на Кавказе местным населением расценивались, как стремление колонизаторов уничтожить мусульманскую религию и вызывали большое недовольство. Из эпистолярного материала мы узнаем, что «эти неверные – русские (Христиане. – Авторы.) окружили ныне уже нас, дагестанцев и, причем со всех сторон, держат нас как бы

в осаде. Мы же сидим теперь и боимся, что распространятся они и по всем тем землям, которые населяют мусульмане – дагестанцы»[43]. Преследование ислама, всевозможные препятствия в отправлении религиозных обрядов привели к тому, что большая часть мусульманского духовенства была настроена против представителей администрации Российской империи на местах[44].

Таким образом, в начале первой половины XIX века сложились политико-правовые и религиозные предпосылки для возникновения широкой народно-освободительной борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа против колониальной политики Российской империи 20-50 годов XIX века, как последствия трактата Гюлистана (1813). Политика самодержавной Российской империи по принципу «разделяй и властвуй» породила мощный протест свободолюбивых горцев, стремившихся отстаивать свою национальную независимость.

Приложение

[1] Маркс К. Турция и Россия-Бюджет: К.Маркс, Ф.Энгельс. Арест Делеклюза. – Дания. – Австралия. – Таймс о перспективах войны с Россией // Соч. – 2-е изд. – Т.9. – М.: Госполитиздат, 1957. – С.408.

[2] Магомедов Р.М. Два столетия с Шамилем. – Махачкала, 1997. – С.4.

[3] См.: Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – Махачкала, 1991.-С.41.

[4] См.: Аммаев М.А. Политика России на Кавказе в конце XVIII-первой четверти XIX века и Аварское ханство // Актуальные проблемы всеобщей истории. «Кавказ в геополитике великих держав»: Кафедральный сборник №1. – Махачкала, 2000. – С.18.

[5] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказа. – Т.І. – Тифлис, 1907. – С.32.

[6] Там же. – С.32.

[7] Служивый (Дубенский Д.Н.). Очерки покорения Кавказа. – СПб., 1901. – С.30.

[8] См.: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Под ред. А.Берже. – Т. VI. – Ч. 2. – Д. 3. – С. 8. (Далее. – А КАК.).

[9] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX века: Сборник документов / Сост. В.Г.Гаджиев, Х.Х.Рамазанов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. – С. 27. (Далее. – ДГСВК.); См.: Записки А.П.Ермолова 1798-1826. – М., 1991.

[10] Казикумухские и кюринские ханы // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. II. – Тифлиси, 1869. – С. 4.

[11] АКАК. – Т. VI. – Ч. 2. – Д. 18. – С. 10.

[12] См.: Магомедов Р.М. История Дагестана. – Махачкала, 1968. – С. 255.

[13] Магомедов Р.М. История Дагестана. – Махачкала, 1968. – С. 255-256.

[14] Рамазанов Х.Х. Колониальная политика царизма в Дагестане в I пол. XIX в. // Материалы сессии Даг. ФАН СССР. 4-7 октября 1956 года. – Махачкала, 1957. – С. 140.

[15] Бестужев-Марлинский А.А. Повести, рассказы, очерки. – Т. I. – М., 1958. – С. 93.

[16] АКАК. – Т. VI. – Ч. 2. – С. 25.

[17] Записки Ермолова 1798-1828 гг. / Сост. В.А.Федоров. – М.: «Высшая школа», 1991. – С. 238-239.

[18] АКАК. – Т. VI. – Ч. 1. – Д. 621. – С. 467; ДГСВК. – С. 28.

[19] ЦГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 6210. – Л. 15; Документальная история. – С. 465.

[20] Записки Ермолова 1798-1828 гг. / Сост. В.А.Федоров. – М.: «Высшая школа», 1991. – С. 346.

[21] См.: Бестужев-Марлинский А.А. Соч.: В 2 т. – Т. 1, 2. – М., 1958. – С. 93-94.

[22] Экштут С. Алексей Ермолов // Родина. – 1994. – № 3-4. – С. 31.

[23] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. – Т.І. – Тифлис, 1907. – С.34.

[24] АКАК. – Т. VI. – Ч. 1. – Д. 621. – С. 469.

[25] Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. – СПб., 1860. – С.120.

[26] Материалы по истории Дагестана и Чечни 1801-1838 / Под ред. Р.М.Магомедова. – Т.3. – Ч.1. – Махачкала: Даггосиздат, 1940. – С.178; См.: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках // Документальная история образования многонационального государства Российского / Ред. кол. Г.Л.Бондаревский, Г.Н.Колбая: В 4 кн. – Кн.1. – М.: НОРМА, 1998. – С.369-370.

[27] Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // ВИ. – 1983. – №2. – С. 54.

[28] См.: Волконский Н.А. Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 годы // КС. – Т.Х. – Тифлис, 1886. – С.34, 47.

[29] Там же. – С.105.

[30] Там же.

[31] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. – Т.5. – СПб., 1888. – С.356.

[32] Записки Ермолова А.П. – С.411-412.

[33] Там же. – С.412.

[34] ДГСВК. – С.53.

[35] Записки Ермолова А.П. – С.414.

[36] АКАК. – Т. VI. – Ч. 2. – Д. 958. – С. 464.

[37] Ковалевский П.И. Кавказ. История завоевания Кавказа. – Т.2. – СПб., 1915. – С.158.

[38] Там же. – С.159.

[39] Рамазанов Х.Х. Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX в. // Материалы сессии Даг. ФАН СССР. 4-7 октября 1956 г. – Махачкала, 1957. – С.142; АКАК. – Т. VI. – Д. 224. – С. 159.

[40] АКАК. – Т.VI. – Ч.2. – С.69-70.

[41] См.: Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительных движений. – Алма-Ата, 1975. – С.77.

[42] ДГСВК. – С.41.

[43] См.: Айтберов Т.М. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII-XIX вв. – Ч.II. – Махачкала, 1999. – С.15.

[44] См.: Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX века. – М., 1960. – С.306.

РАШИТХАНОВА С.Т. ГЮЛИСТАНСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 1813Г

Одним из событий к которому будет привлечено внимание историков в 2013 году, является подписание 12 октября 1813 года Гюлистанского мирного договора между Россией и Ираном. Актуальным обращение к этой теме представляется и потому, череда войн (1804-1813гг. с Ираном, 1806-1812гг. с Турцией, 1806-1809гг. со Швецией, 1812г с Францией) на Россию обрушивается одномоментно. Войны и мирные договоры принадлежат к основным вехам внешней политики любой страны, они составляют основной костяк международных отношений, по которому можно легко восстанавливать, соотносить общий ход событий и конкретные внешнеполитические акции, становятся понятными, объяснимыми и мотивированными только в связи с этими основными вехами. Изучение истории внешней политики и международных связей нашей страны имеет важное значение для понимания всей истории нашего Отечества, для правильной оценки особенностей исторического развития России и её места в мире. Иммануил Кант понимал историю, как «путь человечества» к созданию государственных форм. Дипломатия в подлинном смысле появляется с развитием государства. История войн и мирных договоров наглядно показывает, что Россия к 1813 году выработала разнообразные формы дипломатической практики при заключении международно-правовых соглашений: договоров о мире, перемирии, разделе территорий, установлении границ, об их демаркации, о государственном размежевании, а также о контрибуциях, данях и иных видах возмещений за ущерб, нанесенный войнами. [8.с.14]

Историк, обладающий гражданской позицией, в каком регионе бы он не жил, какую бы тему ни изучал, должен стремиться уяснить, что хорошо и что плохо для России с точки зрения государственного развития. Что история

отвергала и что она подтверждала? Какие закономерности исторического порядка в государственном развитии шли на пользу всей стране и народам её населявшим, и какие мешали или тормозили историческое развитие? Что вело к ухудшению её внешнеполитического положения и обострению противоречий внутри неё- между слагающими её нациями и народностями, региональными частями государства?

Народы Северного Кавказа были связаны с Россией и русским народом многовековыми узами, уходящими в древность, в средние века. На протяжении столетий они поддерживали с Россией торговые, культурные и политические отношения. В условиях постоянных нападений извне, политической раздробленности, феодальных и племенных междоусобий народы и владетели Северного Кавказа вынуждены были искать защиты и покровительства, что содействовало развитию их внешних связей с Россией.

В XVI – XVIII вв. у народов Северного Кавказа- адыгов, кабардинцев и осетин, а также народов Дагестана, Чечни и Ингушетии - усиливалась ориентация на Россию, шел сложный и продолжительный процесс добровольного вхождения их в состав Российского государства. Правительство России заботилось прежде всего об упрочении безопасности и мощи своего государства, распространении политического влияния России на новые территории. При этом Россия не угрожала народам Северного Кавказа ни грабежами, ни угоном людей в рабство, ни опустошениями. Она не стремилась также подчинить эти народы своему непосредственному управлению и своим порядкам. Но в то же время Россия могла оказывать реальную помощь и поддержку против посягательств со стороны шахского Ирана, Османской империи и Крымского ханства. На этой почве между народами Северного Кавказа и Российским государством складывалась известная близость, общность интересов, так как связи с Россией отвечали и стремлениям северокавказских народов к большей безопасности от нападений извне.[7.с.10]

В 1557 г. первыми добровольно вошли в состав России кабардинцы и другие адыгские народы. В 1588 г. российское подданство добровольно приняли перешедшие р. Терек из Чечни и Ингушетии окочане. С конца XVI в. Началось добровольное вхождение в состав России горских обществ Дагестана. Часть обществ приняла российское подданство уже к 1614 г., а к 1635 г. этот процесс охватил все дагестанские ханства Каспийского побережья. Ориентация ханств нередко оказывалась шаткой, непостоянной и менялась в зависимости от хода войн между Ираном и Россией. Но тем не

менее ханы все чаще обращались к России за подтверждением своих титулов и прав. Особенно это проявилось во время походов Петра I против Ирана. Даже после Генджинского договора 1735 г. с Ираном, по условиям которого граница России была снова на время отодвинута с юга на Терек, российское правительство продолжало поддерживать дагестанские ханства, препятствовало проходу через них османских войск в Восточное Закавказье; в результате Дагестан фактически не подчинялся Ирану.[9.с.9]

Кавказ всегда представлял собой место столкновения интересов и ожесточенной борьбы англосаксонских государств (с конца XVIII в.- Великобритания, с середины XX в.- США).

В конце 18- начале 19 веков две европейские страны противостояли друг другу. Франция «Великая империя», численность населения которой к 1811 году достигла 44 млн. человек и Великобритания - владычица огромных колониальных территорий во всех частях света. Ост-Индская торговая компания вела не только торговые дела, но и через аппарат управления руководила захваченными индийскими территориями (Бенгалией, Бомбеем, Мадрасом). Силой французского оружия перекраивалась карта Европы: тысячелетняя Венецианская республика: исчезла; Голландия и Испания очутились в зависимости от Французской республики; наконец, Бонапарт ринулся на Ближний Восток, зону непосредственных интересов Британии. С

конца XVIII в. усилилась колониальная экспансия Англии и Франции и их вмешательство в дела Ирана. В 1796 г в Тегеран прибыли французские представители, пытавшиеся спровоцировать шаха на войну с Россией. Англичане в 1800г. прислали из Индии своего представителя Малькольма, он в 1801г. заключил с шахом политический и торговый договор, согласно которому шах обязывался не допускать французов в Иран. Англичанам договор предоставлял льготы в области торговли. За это англичане обещали снабжать шаха оружием в случае войны. Договор этот был направлен также и против России. Иранский шах в то время считал Россию главным препятствием на пути порабощения народов Закавказья и потому искал союзников против неё.

24(12) сентября 1801г. Александр I подписал манифест о присоединении Грузии и постановление о введении в ней внутреннего управления. Российская империя в 19в. была многонациональной страной, в административном отношении европейская часть России была разделена на 47 губерний и 5 областей (Астраханская, Таврическая, Кавказская, земли Войска Донского и Войска Черноморского). Основными внешнеполитическими задачами в первой половине XIXв. была защита границ Российской империи и расширение её территории в соответствии с геополитическими, военно-стратегическими и экономическими интересами страны. В этот период продолжается добровольное присоединение или насильственное вхождение народов Северного Кавказа в состав России. В Дагестане в этот период политически раздробленные и разобщенные 10 феодальных владений и свыше 60 союзов сельских обществ не могли объединиться для своей защиты от шахского Ирана. Александр I в рескрипте на имя Кнорринга К. Ф.-главнокомандующего войсками на Кавказе, предписывал всем тем, кто хотел покровительства установить союз и дружеское согласие. Давалось повеление собрать этих владельцев на съезд, объяснить им вред междоусобий и объединить их для защиты от Ирана. В сентябре 1802 г. почти все владельцы

Северо-Восточного Кавказа собрались на съезде в крепости Георгиевск, где 26 декабря 1802 г. был подписан общий договор. Таким образом, мы изучив текст Гюлистанского мирного договора 1813 года, выяснили какими внешнеполитическими причинами он был обусловлен, время и условия подписания, смогли ощутить дух эпохи.

Распад СССР вызвал образование новой исторической, историко-географической и этногосударственной ситуации на Кавказе. Грузия, Армения, Азербайджан, Дагестан – национальные окраинные районы. Соотношение сил России, Турции, Ирана, их военно-экономического потенциала менялось и кавказские государства на протяжении веков входили то в состав России, то в состав её противников на юге. Но общая тенденция была такова, что эти районы тяготели все более и более к России, пока в течение 19 и 20 веков они окончательно не вошли в её состав.

Правящие круги малых стран по периметру границ России прямо-таки «продавали» свои страны тому, кто предоставлял более выгодные условия, научились в течение веков «выторговывать» себе, своим странам известные привилегии.

В документе перечислены «высокостепенные ханы и горские владельцы» «подданство, высокое покровительство и защиту « принявшие. Статья 3 содержала предписание «защищать друг друга» в случае неприязненного нападения Персии, «составляя как бы едино тело и один народ».

На европейском континенте Россия играет важную роль, внешняя политика характеризуется как лавирование между интересами Англии и Франции. Александр I восстановил разорванные Павлом I отношения с Англией, одновременно с этим проводил политику «умиротворения» Наполеона. Однако агрессивные действия Франции на европейском континенте привели к сближению России и Англии, а затем к созданию антифранцузской коалиции (Австрия и Россия при поддержке Англии).

Российскому присутствию на Кавказе активно противился Иран, которого в его борьбе поддерживали Франция и Англия. Оба эти государства стремились не допустить усиления России на Востоке.

Противостояние России, Ирана и Турции на Кавказе вылилось в русско-иранскую войну 1804-1812гг. и русско-турецкую войну 1806-1812годов.

Англия, союзница России (1805г.) в антинаполеоновской коалиции, не оказала помощи шаху, чем воспользовался Наполеон, пославший в Тегеран в 1806 г. свою миссию с предложением военного союза против России и Англии. Занятие русскими войсками в 1806 году Дербента, Баку, Мугани и других районов подтолкнули шаха на принятие этого предложения.

Русско-турецкая война 1806-1812 гг. была начата Турцией с целью возврата бывших владений в Северном Причерноморье и на Кавказе, а так-же с ростом влияния России на Балканах. После успехов Наполеона в Европе и особенно победа под Аустерлицем (1805) Порты все больше стала подпадать под влияние французской дипломатии. Посланник Бонапарта Себастиани, обещал помочь туркам вернуть себе Крым, Селим III вступил в войну с Россией. Таким образом русским войскам в Закавказье пришлось вести борьбу на два фронта. Несмотря на это русские к ноябрю 1806 г. одержали ряд побед над войсками Ирана и Турции. Русские войска в Закавказье насчитывали не более 20 тыс. чел. Но европейской выучкой, дисциплиной и организацией, боевыми порядками и тактикой ружейным и артиллерийским огнем русские превосходили шахскую конницу.

В 1807г. Иран и Турция заключили соглашение о совместном выступлении против русских войск на Кавказе. Представители шаха и султана обратились к правителям Дагестана о совместных выступлениях против России. Иран и Турция засылали своих агентов. Но воззвания шаха и султана, их усилия, направленные против России, среди владетелей Дагестана успеха не имели.

Обстановка на Кавказе, в том числе в Дагестане, складывалась не в пользу Ирана и Турции.

Население Кавказа, где шла война, враждебно относилось к шаху и его войскам и скорее готово было признать власть России, чем подвергаться грабежам и насилиям со стороны шахских властей и войск. Дагестанские горцы во время войны неоднократно восставали против иранских завоевателей, отстаивая свою независимость.

Гюлистанский мирный договор 1813 года с её южным соседом Персией последовательно закрепил территориальные изменения, касающиеся окраинных национальных районов по периметру южных границ империи.

Гюлистанский мирный договор между Россией и Ираном. 12 октября 1813 г.[3.с.306]. От имени Всероссийской империи уполномочен подписать соглашение генерал-лейтенант, главнокомандующий войсками в Грузии и на Кавказской линии, отмеченный многими орденами и золотой шпагой с надписью « За храбрость» Николай Ртищев. Персидское государство представлял Мирза-Абдул –Хассан-хан, советник, он имел « от своего государя отличную милость, состоящую в кинжале и сабле, бриллиантами украшенных, в шалевом платье и лошадином уборе, осыпанном бриллиантами»[3.с.307]. Трактат состоял из 11 статей. Устанавливались мир, дружба и доброе согласие. Было сделано верное и подробное описание земель, деревень и ущелий, рек, гор, озер и урочищ, которые находились в действительной власти каждой стороны. В собственность Российской империи перешли ханства Карабагское и Ганжинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышенское, весь Дагестан, Грузия, Имеретия, Гурия, Мингрелия и Абхазия, все владения и земли, находящиеся между Кавказской линией «с прикосновенными к сей последней и к Каспийскому морю землями и народами» [3.с.307]. Статья 5 содержит право купеческих и военных судов России плавать, причем ни одна другая держава не может иметь на

Каспийском море военного флага. Статьи 8-10 касаются торговых отношений Персии и России, пошлин взимаемых с товаров. Таким образом, Гюлистанский мирный договор юридически оформил состоявшееся до этого вхождение Дагестана в состав России. Гюлистанский мирный договор- важный исторический документ для России, Кавказа, Дагестана. Граница на юге страны была очерчена, обеспечивалась внешняя безопасность. Все народы Кавказа могли ориентироваться на путь выхода из экономического и политического застоя.

После подписания мирного договора Россия оставалась единственной державой господствовавшей на его территории. Ни Персия, ни Турция не могли вмешиваться во внутренние дела Кавказа, не затрагивая при этом «жизненных» интересов России.

Внешнюю политику и дипломатию капиталистических стран определял колониализм. Главным средством колониальной экспансии было открытое насилие – завоевание, а дипломатия, особенно заключение неравноправных договоров, служила дополнительным орудием закабаления государств Востока. На Ближнем Востоке дипломатическая борьба отражала столкновение колониальных интересов Англии, Франции и царской России.

Внешняя политика и дипломатия феодальных монархий Востока отвечала интересам господствующих династий. В её задачи входило в известных пределах сопротивление иностранным колонизаторам и использование противоречий между колонизаторами. Характерными чертами дипломатии ряда государств Востока были: тенденции к проведению политики замкнутости, неразвитость форм и обычаев дипломатических отношений между суверенными государствами и постоянного дипломатического представительства[6.с.380]

Таким образом, мы изучив текст Гюлистанского мирного договора 1813 года, выяснили какими внешнеполитическими причинами он был обусловлен, время и условия подписания, смогли ощутить дух эпохи.

Распад СССР вызвал образование новой исторической, историко-географической и этногосударственной ситуации на Кавказе. Грузия, Армения, Азербайджан, Дагестан – национальные окраинные районы. Соотношение сил России, Турции, Ирана, их военно-экономического потенциала менялось и кавказские государства на протяжении веков входили то в состав России, то в состав её противников на юге. Но общая тенденция была такова, что эти районы тяготели все более и более к России, пока в течение 19 и 20 веков они окончательно не вошли в её состав.

Правящие круги малых стран по периметру границ России прямо-таки «продавали» свои страны тому, кто предоставлял более выгодные условия, научились в течение веков «выторговывать» себе, своим странам известные привилегии.

Использованная литература

1. Гасанов М.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX в.- Махачкала.: И П Джамалудинов М.А., 2011, с.197.
2. 1802г. декабря 28-Договор. Заключенный в крепости Георгиевск между дагестанскими владельцами РДО. Сборник документов М. Наука 1988.с.258.
3. Гюлистанский мирный договор. Русско-дагестанские отношения в XVIII-начале XIX в. М. Наука, 1988. С.306.
4. Всемирная история в 24 томах., том 16, Минск, Современный литератор, 1999,с.210
5. История стран Азии и Африки в новое время. Ч.1.: Учебник.—М.: Изд-во МГУ, 1989, с.266.
6. История дипломатии. Т.1. Издание второе. Под ред.В.А. Зорина, В.С. Семенова, С.Д.Сказкина, В.Ш.Хвостова, М. Издательство Полит. лит-ры, 1959.

7. История народов Северного Кавказа (конец 18в.-1917г.).- М.: Наука, 1988, с 10.
8. Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. IX-XX вв. Вып. 2. Войны и мирные договоры. Книга 1: Европа и Америка. Справочник. М. Международные отношения,1995.
9. Русско-дагестанские отношения в XVIII – в начале XIXв. Сборник документов. Отв. редактор. В.Г. Гаджиев. М. «Наука».1988.
10. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М. Издательство социально-экономической литературы М.1958., с.

РАЗАКОВ Р.М., АБДУРАЗАКОВ З.А., РАЗАКОВ Ш.Р.
ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ПОХОДЫ АРАБОВ В ДАГЕСТАН

Возникновение ислама явилось одним из самых значительных событий в мировой истории. За короткое время при первых трех Халифах АбуБакре (632-634), Умаре (634-644) и Усмани (644-656) в состав Арабского Халифата в ходе успешных завоевательных походов были включены Сирия, Палестина, Ирак, Закавказье и часть Северной Африки.

В своих завоевательных походах арабы руководствовались положениями мусульманского права, согласно которому все земли по принципу их отношения к исламу и к арабской власти делятся на три крупные категории: дар ал-ислам, дар ас-сулх и дар ал-харб.

Дар ал-ислам «территория ислама» – это мусульманские страны, находящиеся под властью мусульманских правителей.

Дар ас-сулх «территория мирного договора» – это немусульманские земли, которые, согласно договору (сулх), вносят определенную дань, сохраняя существовавшие ранее порядки.

К ним арабы причисляли людей «Писания» ахл ал-киتاب, прежде всего иудеев и христиан.

Ахл ал-киتاب сохранял за собой свободу отправления религиозных обрядов и входил в число «покровительствуемых» (ахл аз-зимма), получали гарантию неприкосновенности личности и имущества, но при сохранении условий договора, основными условиями которого были: «выплата подушной подати (джизьи), определенной денежной или натуральной дани, предоставление мусульманам помещений для постоя и обязательство не помогать их врагам».

Дар ал-харб «территория войны» – немусульманские страны, что за пределами «территории мирного договора», война с которыми во имя ислама считалась священной обязанностью мусульман.

В этой обстановке особое значение приобретала налоговая политика арабов. Она заключалась во взимании хараджа (поземельный налог) и джизьи (подушной подати).

Что касается джизьи, то эта подать взималась с иноверцев и представляла собой своего рода вознаграждение завоевателям за веротерпимость и сохранение жизни этих иноверцев. Размеры подати устанавливались договором, причем от джизьи освобождались женщины, старики, дети (то есть «с которыми нельзя сражаться»), рабы, бедные, монахи, а также христиане, воевавшие в мусульманской армии и бедняки, «которым подают милостыню».

Если же кто-нибудь принимал ислам, то он освобождался от обязанностей платить джизью. Практика освобождения от джизьи тех, кто принимал ислам, во многом содействовала успехам нового религиозного учения.

Исходя из положений мусульманского права, Дагестан с преобладающим христианским населением подпадал в категорию Дар ас-сулх, «территорию мирного договора», однако источники говорят о том, что процесс исламизации Дагестана имел далеко не мирный характер, особенно на первых этапах.

Первый поход на территорию Дагестана был совершен в 22/642-643 году. Возглавить этот поход Халиф Умар поручил арабскому полководцу Сураке ибн Амиру.

Знаменитый арабский историк ат Табари дает подробное описание этого похода. По поручению Сураки Абдаррахман ибн Рабиа пошёл на правителя (малик) ал-Баба (т. е. Дербента), а правителем там был тогда Шахрбараз. Малик Дербента Шахрбараз согласился подчиниться арабам при условии, если ему будут предоставлены определённые гарантии. Халиф Умар, которому немедленно было об этом доложено, позволил предводителю арабских войск Сураке дать эти гарантии.

Но как показали дальнейшие события, эти договора были временны и не имели для арабов положительных последствий.

Положение арабов на Кавказе усложнилось в связи с тем, что сильные позиции здесь имел Хазарский каганат, против которого арабы были вынуждены вести длительную борьбу за овладение прикаспийскими территориями.

В 664 Салман ибн Раба ал-Бахили, из числа приближенных пророка, с 4000 отборного войска двинулся к Дербенту, которым в то время владели хазары. Гарнизон находившихся там воинов, услышав о приближении арабов, удалился в крепость Гамры (близ Каякента). Мусульмане без сопротивления овладели Дербентом. Хакан, царь хазарский, собрал многочисленное войско. Мусульмане встретили его на берегу Дарвага и там противники остановились лагерем друг против друга. Хакан, наслышавшись много о мужестве арабов, думал, что им не может вредить оружие, и поэтому он не решался начать битвы. Между тем один из хазаров застал араба купающимся в море, убил его и отрезанную голову представил хакану. Это маловажное обстоятельство ободрило предводителя хазар, который тотчас же начал битву.

Пять дней продолжалось сражение без перевеса ни в ту, ни в другую сторону, на шестой день хакан объявил войску, что если кто-либо из них возвратится из битвы без успеха, то он сам убьет его. Со своей стороны мусульмане тоже решились умереть на месте. Салман ибн Раба с сорока воинами, обрекшими себя насмерть, бросился вперед. Завязалась битва, где несколько тысяч хазаров погибло, но и Салман ибн Раби'а со своими 40 товарищами, обрекшимися на смерть, пали на месте. Могилы их, называющиеся *Кырх-лар* (Сорок мучеников) находятся к северу от Дербента и теперь являются местом поклонения жителей.

Остальные арабы, большей частью раненые и изможденные, отступили к Дербенту, а оттуда удалились в Сирию. Хакан, оставив трехтысячный гарнизон в Дербенте, возвратился в свою столицу.

В 705 году омеядский Халиф Валид ибн ал-Малик поручил своему брату Масламе возглавить 40 тыс. войско и покорить Дербент. По пути к Дербенту Маслама, подчинив своей власти Ширван и другие города, осадил Дербент.

Не надеясь, однако, овладеть им, он хотел уже возвратиться назад, как однажды ночью некто пришел к нему из крепости и сказал: «Если ты дашь мне столько денег, сколько мне нужно, то я проведу тебя в крепость тайным подземным ходом, известным только мне одному.»

Маслама согласился на условие. Абд ал-Азиз ал-Бахили с двумя сыновьями и сотнею удальцов из своего племени доверился перебежчику с тем, чтобы вся добыча, за исключением хумса (пятая часть добычи, следующая в общественную казну), принадлежала ему. Вслед за ними к крепости со стороны горы отправились 6 тысяч войск. По указанию того же человека они открыли подземный ход на северной стороне и так тихо вошли в крепость, что гарнизон ничего об этом не узнал. В полночь началась битва. Хазары до утра отчаянно защищали свои жизни и семьи, но с рассветом мусульмане овладели крепостными воротами, через которые впустили остальное войско. Вся добыча по условию была отдана Абд ал-Азизу, который разделил ее между 6 тысячами своих товарищей. Перебежчик был щедро награжден и получил пожизненное содержание.

Опасаясь, чтобы хазары со временем опять не завладели Дербентом, Маслама приказал разрушить его крепостные стены до основания, назначив Абд ал-Азиза правителем Армении и Азербайджана, возвратился в Дамаск.

Но по причине беспрестанных жалоб жителей этих провинций Маслама вторично был послан в Дербент с 40-тысячным войском. Овладев им, он поправил крепостные стены и, оставив там 5-тысячный гарнизон, возвратился назад. Но спустя несколько лет Дербентский гарнизон был доведен неприятелями до того, что ни один человек не мог выйти безопасно из крепости. Хазары прорывались через ущелья и по-прежнему грабили Армению и другие провинции. Хотя Абд ал-

Азиз иногда и оказывал им сопротивление, остановить их совершенно он не мог и таким образом борьба между арабами и хазарами продолжалась непрерывно.

В 722 г. халиф йазид ибн Абд ал-Малик послал Джарраха с 6-тысячным войском в подкрепление Дербентскому гарнизону. Джаррах, прибыв в Мускур, собрал войско из всех окрестных крепостей и остановился в лагере на берегу реки Рубас. Там он созвал табасаранских и кайтагских эмиров, не принявших еще ислама, и сказал им: «Я пришел из Аравии воевать с хазарами и хочу, чтобы вы мне помогли». Один из лезгинских предводителей по имени Артаньш тайно уведомил об этом сына хакана, который к этому времени прибыл с войском своим в Гамры (около Кая-Кента).

Джаррах, узнав об этом, объявил, что он три дня намерен жить в лагере, однако с наступлением ночи, при свете факелов, он переправился через Рубас, прошел Дербент и отправил начальника правого фланга с 2000 в Кайтаг, а начальника левого фланга с такими же силами в Табасаран, приказав им разорить те места и к рассвету соединиться с ним. Оба начальника в точности исполнили его приказание, причем первый, возвратившись в назначенное время, пригнал 12000 голов рогатого скота и 700 пленных, а другой – 40000 голов скота и лошадей и 2000 пленных, кроме прочей добычи. Вся добыча, за исключением хумса, была разделена между войсками.

Сын хакана, узнав об этом, двинулся против Джарраха, и оба войска сошлись на берегу реки Дарваг.

В тот день 7000 хазар и 2000 мусульман полегло на месте сражения. Сын хакана с трудом добрался до города Энджи и сказал жителям: «Неприятель, с которым я имел дело, весьма силен и, если вы не надеетесь на чью-либо помощь, то спасайтесь от него бегством».

Джаррах, овладев крепостью Хасин, стоявшей на возвышенности близ Каякента, откуда видно море, отправился в Семендер (Тарки).

Жители города явились к нему с покорностью. Оттуда он пошел к крепости Энджи, которая с одной стороны примыкает к горе, а с другой к морю: между горой и морем была возведена крепкая стена. Жители, надеясь на неприступность места и многочисленные силы, решили защищаться. Мусульмане, собрав из окрестных деревень 2000 арб (телег), прикрыли их досками и, скрываясь за ними, пошли на приступ и вломились в город. Начальник города заперся в цитадели, но с наступлением ночи ушел с некоторым числом людей в крепость Кейван, находящуюся между Энджи и Балхом.

На следующее утро мусульмане предложили жителям принять ислам и тех, которые отказались от этого, убили или взяли в плен, а город разрушили.

Раузат ас-сафа и Гузида свидетельствуют, что Джаррах после этого разорил владения хазар и возвратился в Азербайджан.

Хакан же с помощью разных тюркских племен отправил против арабов 300-тысячное войско под предводительством своего сына Пешенга, который пройдя Дербент, остановился лагерем у слияния реки Куры с Араксом. Отсюда он разослал в разные стороны отряды для опустошения края.

В это время войско Джарраха не было в сборе, а сам он пошел в Уджан, что за Тавризом, для истребления тамошних огнепоклонников. Возвратившись оттуда, он встретил хазар лишь с малыми силами. Произошло сильное сражение, в ходе которого мусульмане были разбиты. Джаррах и Мардан-шах, один из азербайджанских эмиров, пали на месте сражения, а семья Джарраха попала в плен.

Очередной успех арабов связан с именем Абу-Муслима, который в 734 году возглавив 24 тысячное войско, совершил поход в Дагестан.

Можно предположить, что этот Абу-Муслим есть тот самый Маслама, о котором мы говорили выше. Вероятно, переписчики исказили его имя или Абу Муслим – есть его *кунья*, прозвание, даваемое арабами почетным лицам. Как бы то ни было Абу-Муслим, прибыв в Дербент, восстановил разрушенные стены и

бастионы крепости. Он разрушил огромное здание Сагранич (в Нарын-кале), так называемое со времен Ануширвана, а на его месте построил арсенал и магазины для хранения нефти, провианта и воды. Он возобновил Кейд, то есть тюремный замок, продвинув его более чем на сто аршин в море. Кроме этих распоряжений, Абу Муслим приказал подать, собираемую со всего Дагестана деньгами и натурой, хранить в дербентских магазинах, дабы по мере надобности раздавать ее жителям города и гарнизону.

Наиболее крупным и успешным в Дагестан был поход Мервана в 737 году. Выступив из Сирии, он захватил земли Азербайджана, Армении, Алании и вторгся в Хазарию. Захватив Семендер, Мерван принудил Хазарского кагана принять ислам.

В 739 г. Мерван предпринял поход на горный Дагестан. Маршрут его был следующим: из района Шеки – на Серир – Туман – Зирихгеран – Хамзин – Шандан – земли к югу от него – Баб ал-Абваб. Этот поход занял у Мервана около года.

В Серире главные усилия арабов ушли на захват Хумраджа (вблизи современного Хунзаха).

Мерван ибн-Мухаммад подошел к Хумраджу и осадил его. Было предпринято несколько попыток быстро захватить крепость силой и военными хитростями, но все они оказались безуспешными. После этого Мерван дал своим воинам приказ окопаться «напротив» местопребывания правителя страны золотого трона. Они провели там всю весну и лето, а по словам Ибн-Асама ал-Куфи, даже «полный год».

После длительной осады в конечном итоге серирцами в 739 г. вблизи крепости был заключен мирный договор с арабами. Первые воздержались от вступления в местонахождение золотого трона – «замок, называемый «Хумраджд», а правитель Серира обязался доставлять в Дербент ежегодно по тысяче голов скота, по 500 крепких отроков, по 500 красивых белокурых чернобровых девушек,

а также до 100 тысяч пудов зерна в дербентские зернохранилища. Взяв заложников в качестве гарантии выполнения условий данного договора, Мерван двинулся в сторону Дербента.

Затем его войско вторглось в землю Туман, которая, не оправившись после прежних нападений арабов, не смогла оказать серьезного сопротивления. Оттуда Мерван двинулся на Зирихгеран. Не имея шансов выстоять против превосходящих сил арабов, правитель Зирихгерана вынужден был заключить мир на условиях Мервана: «с обязательством доставлять ежегодно 50 юношей и 10 000 мер в зернохранилище».

Оттуда Мерван двинулся на Хамрин, где неожиданно встретил яростное сопротивление. Балазури говорит о месячной осаде арабами Хамрина, о сожжении и разрушении его укреплений.

В ходе похода под властью арабов оказались Серир, Туман, Шандан, Зиргеран, Кайтаг, Лакз, Табасаран и др.

То обстоятельство что арабы периодически были вынуждены совершать походы в глубь Дагестана, видимо, было связано с тем, что всякий раз после ухода арабов, дагестанцы отказывались им подчиняться, несмотря на то, что каждый поход сопровождался разрушительными последствиями и многочисленными жертвами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- 1. Абдуразаков З.А.** - преподаватель ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», филиал ДГУ, г.Хасавюрт
- 2. Артамонова Я.В.** - кандидат социологических наук, преподаватель Института социологии и регионоведения ЮФУ, научный сотрудник Южнороссийского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г.Ростов-на-Дону
- 3. Аскеров А.Г.** - кандидат исторических наук, доцент, зам. директора по науке ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», филиал ДГУ, г.Кизляр
- 4. Верещагина А.В.** - доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г.Ростов-на-Дону
- 5. Воробьев А.А.** - кандидат исторических наук, доцент, Могилевский институт МВД Республики Беларусь, г.Могилев
- 6. Гарумов Н.М.** – кандидат политических наук, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», филиал ДГУ, г.Хасавюрт
- 7. Гарунова Н.Н.** – доктор исторических наук, профессор кафедры Истории России, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
- 8. Игнатович А.Е.** - кандидат исторических наук, доцент, Могилёвский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г.Могилёв
- 9. Касумов Р.М.** - доктор исторических наук, профессор кафедры юридических дисциплин ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», филиал ДГУ, г.Хасавюрт
- 10.Магомедов М.Б.** - доктор исторических наук, профессор кафедры юридических дисциплин ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», филиал ДГУ, г.Хасавюрт

- 11. Мирзоева К.А.** - студентка 1 курса ИФ Дагестанский государственный университет, г.Махачкала
- 12.Мусаев К.М.** - кандидат педагогических наук, доцент, ГБПОУ РД «ППК имени З.Н.Батырмурзаева», г.Хасавюрт
- 13.Разаков Р. Ч-М.** - кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», филиал ДГУ, г.Хасавюрт
- 14.Разаков Ш.Р.** - преподаватель ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», филиал ДГУ, г.Хасавюрт
- 15.Рашитханова С.Т.** – преподаватель ГБПОУ РД «ППК имени З.Н.Батырмурзаева», г.Хасавюрт
- 16.Сулейманов М.С.** - кандидат экономических наук, ГБПОУ РД «ППК имени З.Н.Батырмурзаева», г.Хасавюрт
- 17.Хирковский В.В.** - курсант 1 курса факультета милиции, Могилёвский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г.Могилёв

В сборник вошли материалы Всероссийской научно - практической конференции, посвященные исследованиям актуальных вопросов истории России.

Редактор – Разаков Р. Ч.-М.,

кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО Филиал ДГУ в г. Хасавюрте